

Александр Холин

ЮНОСТЬ МОИСЕЯ

Александр Холин

Юность Моисея

«Автор»

2014

Холин А. В.

Юность Моисея / А. В. Холин — «Автор», 2014

Имя пророка Моисея известно любому мало-мальски образованному человеку. Но мало кто знает, что в юности этого человека звали Хозарсиф. Еще меньшему числу любителей истории известно, что Хозарсиф не подобранный сестрой фараона подкидыш еврейского происхождения, а незаконнорожденный племянник Рамсеса XII, прошедший жреческую школу в Египте и впоследствии сам посвященный в великий сан жреца. Почему же племяннику фараона пришлось бежать из Египта, и как он стал Моисеем, то есть «спасенным» – об этом и повествует этот роман.

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Холин
Юность Моисея
(мистико-мегалитические, то
есть криптографические факты,
которых не должно было быть)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Друзья мои!

Предлагая Вашему вниманию сию книгу, не могу не заметить, что мною использовано изрядное количество исторического материала, до которого иным раньше не было дела, другим просто некогда за личными проблемами. Но всё разрешилось очень даже хорошо. Во всяком случае – для меня. Почему?

Да потому что окунулся в ту часть мировой истории, которую ещё не трогали, или почти не трогали литературные «археологи». Многие, без сомнения, исследовали, рылись в попавшемся материале, пытались понять историческую сущность, только люди, к сожалению, не всегда замечают валяющиеся под ногами гениальные истины. И я в том числе. Однако, – «и на старуху бывает проруха». Она рухнула на меня, как таблица, приснившаяся Менделееву. А ведь в то время его изобретение не было каким-то новшеством или сногшибательной гениальностью, как, скажем, тот же Жюль-верновский Наутилус.

Всё очень просто: в романе множество героев, судьбы которых тесно переплетены Творцом. Собственно, каждый из нас должен быть благодарен Ему за всё, что нам дано. А герои романа тесно связаны с основоположником христианства, поскольку каждый из них признавал только Единого Бога и символ Единобожия – крест, впервые явленный миру Гермесом Трисмегистом.

Однако, некоторые живут, совсем не задумываясь, – кто ты? что ты? зачем ты? Судьба и всевозможные подвиги моих героев достойны отдельных романов для каждого из них, но то, что объединяет всех нас в этом мире, то, что объединяет их – я попытался донести Вам, мои друзья.

В заповедных исторических источниках, натываясь на один и тот же материал, я понимал, что разные писцы и в разных странах не могут освещать события одинаково. Но если такое всё-таки происходит, конечно, не без исключений, значит, факт имел место в истории и присутствие его зарегистрировано.

Допустим, те же писцы в Древнем Египте были довольно уважаемыми людьми, даже особенной чуть ли не жреческой кастой, но все до одного ходили под страхом смертной казни, если в фараоновские архивы попадёт какая-нибудь неправда о всевозможных египетских событиях. Этого не было ни в одной стране, тем более на обманутом и обманывающем себя Востоке.

Поэтому Египетские жрецы развили тройственную антологию письменности, где записывалась происходящая жизненная правда, но тут же её сопровождали различные образы, которые заканчивались сакральным смыслом, известным далеко не каждому. Такой эта история дошла и до нас, но чтобы понять её, необходимо потратить множество жизненных сил. А если вдруг оказывается, что время потрачено зря, то редко кто не поддастся бешенству. К находкам мы иногда относимся довольно равнодушно, а вот к потерям!..

Поэтому я решил поделиться с Вами, дорогие мои, откопанными на «свалке истории» материалами, на которые каждый из Вас сумеет взглянуть под углом собственного зрения. Я часто задаю себе вопрос: сколько женщине нужно времени, чтобы понять, её ли это мужчина; и сколько читателю надо времени, чтобы понять, перед ним не мираж, а что-то иное, требующее осмысления?

Ведь ещё за девять тысяч лет до Рождества Христова оставил для потомков (для нас, может быть) Гермес Трисмегист несколько слов, применимых к любому времени и к любому человеку: «Ни одна из наших мыслей не в состоянии понять Бога, и ни какой язык не в состоянии определить Его. То, что бестелесно, невидимо и не имеет формы, не может быть воспринято нашими чувствами; то, что вечно, не может иметь временных границ; следовательно, Бог невыразим».

В общем-то, Бог может сообщить нескольким избранным способность подниматься и летать над естественными, либо обыденными вещами только лишь для того, чтобы прикоснуться к Его мудрости, но эти избранные никогда не находят слов, которыми смогли бы поделиться с остальными. Каждый из нас может объяснить причину творчества, образов, метафизических чувств... но Первопричина всего этого остаётся неизвестной. Если к тому же обратить внимание на то, что во всех странах почти без исключения к писателю по наследству переходит от собратьев тип жреца, кузнеца человеческих душ, то никого не удивит, что писатель этот выдаёт написанное им за чистую правду, как фальшивомонетчик свой товар. И ежели «фальшивомонетчик» подаёт себя к столу с правом совершенствовать, искуплять, спасать других, – это вовсе не значит, что единственный человек во всём мире сможет определить и указать «истину» и «неистину».

Но вернёмся к нашим... героям. Судьба каждого из них predetermined Свыше, только каждый волен выбирать собственный путь. Часто очень известные личности среди насельников этой планеты приобретают свою известность с возрастом, а как он жил до этого? Многих отмечает Господь в мире этом, только все человеки добираются до отпущенного ему места своею неразгаданной дорогой. А сможет дойти, нет ли, – ему самому решать: дойдёт – хорошо! Даже очень. Все рады, все смеются. А если не дойдёт?

Сразу отовсюду слышится: невезуха! непруха! И ещё множество всяких «не». Всё же, оглянувшись назад, каждый из нас может удивиться и сказать: «Жизнь моя, как сказка, как былина!». Но известно, что человек начинает стареть только тогда, когда теряет возможность чему-нибудь удивляться. Это, к счастью, не относится к Вам, друзья мои. В общем, человек начинает проявлять пристальное внимание к идущим рядом: кто они? куда они? зачем? Человек уже не замыкается в себе и только для себя. Воспитывается душа, растёт и личность. Вот к решению этих вопросов я Вас и приглашаю, друзья мои.

P.S. Все имена, используемые в романе, не поддельные, а также и артефакты, раздобытые иногда в очень удивительных местах, куда простому смертному путь заказан. Всякие случайные совпадения приветствуются, и извинения никакого не требуют. Если же какие-либо персонажи выразят неудовольствие при прямом описании событий, то очень прошу подавать на меня жалобу в Государственный Литературный суд. Я всегда пытаюсь ответить за опубликованные материалы. Тем более, что мой роман – произведение художественной прозы и никаких сопоставлений с публицистическими или же журналистскими расследованиями быть не может и не должно.

С уважением Александр Холин

Глава 1

Говорят, две истины на одной монете: орёл и решка, то есть каждый выбирает судьбу свою. А достоин ли?

Если вы можете научить человека добру и не делаете этого – вы теряете брата. Если человек не расположен принять поучения, а вы всё-таки передаёте их ему – вы теряете слова. Мудрый, просвещённый человек не теряет ни братьев, ни свои слова.

Китайское изречение

В каждой стране есть своя удивительная природа, свои животные и люди, а так же каждая запаслась всеми четырьмя сторонами света. Не то, что б очень надо, но так положено от природы, от Творца. Только в любой стране люди относились и относятся с наибольшим интересом к прилегающим государствам с северной, а также южной стороны. Гораздо меньше внимания уделяется западу и востоку, хотя не всегда.

Европа, например, с очень большим аппетитом заглядывалась и заглядывается до сих пор на восточного соседа, а вот одна только русская Евразия чуть ли не на цыпочки становится перед забугорным общечеловеческим мнением, несмотря на то, что забугорье идеями не очень-то было богато во все времена. Наоборот, именно оттуда черпали, что в Восточной Европе плохо лежит. В общем, идеи идеями, но что-де люди скажут?! Как посмотрит и отзовется знаменитая многоуважаемая Заграница на всяческие «народные» решения?

Только время – такая любопытная штука, расставляющая всё и везде на свои отведённые Создателем места для каждой страны в определённых витках временного цикла. И развивалась цивилизация в разных государствах по-разному, в основном от близости уничтожающего жизнь полюсного холода. А ещё от агрессивных соседей, которые плевать хотели на самую главную Заповедь Вседержителя: «Не убий!», и душили всех соседей не хуже любого холода.

Если, скажем, в том же древнем Аркаиме, столице царства Десяти городов, что находится далеко-далеко за Понтом Эвксинским, реки текут в Студёное Северное море, и каждый год с неба сыплется вода, превращающаяся там в белый песок, который местные жители радостно величают снегом, то долину Нила, и весь Египет ежегодно с апреля до середины июля, не покидала страшная испепеляющая душу жара, а соседствующие гунны и ассирийцы готовы были при любом удобном случае ворваться в благоденствующий Египет, разрушить всё построенное и превратить ныне могущественных египтян в многочисленное рабское племя.

На севере Африканского континента плескалось тёплое море, в которое животворный Нил катил свои полнокровные воды. Правда, на речную долину тоже наступали пески и с запада и с востока от Великого Зелёного моря,¹ но эти пески были настоящими жаркими и жгучими. В октябре Нил разливался и тем самым приносил жизнь пахотным землям долины. Местные жители могли с помощью полноводной реки собирать до трёх урожаев в год.

Египет, в общем-то, не боялся никаких природных напастей за исключением дыхания коварного ветра пустыни Самума, приносящего удушающую смерть. Это было настоящим бедствием, гневом Египетских богов, способных за несколько минут стереть с земли всё человечество без остатка. Во всяком случае, египтяне искренне верили в божественную мощь, так что Вышних надземных правителей обижать не полагалось. Более того, неоднократно чревоушатели-жрецы оповещали народ о воле святых богов, и этому не мог сопротивляться

¹ Великое Зелёное море – так в Египте называлось Красное море.

даже фараон, поскольку слова святых – неписанный закон для благополучной могущественной страны.

В сторону юга, в пятидесяти милях от Снута, дикие скалы почти подступали к самой воде, а Ливийские горы отодвигались от Нила так далеко, что раскинувшаяся там долина была, несомненно, самая широкая во всём Египте. И там расположились два высокочтимых в Египетском царстве города: Абидос и Тин,² где родился Менас – первый фараон страны; там же в начале исторических времён было опущено в землю святое тело Осириса, которого злодейски прикончил его брат Тифон.

Более того, в этих местах великий фараон Сети воздвиг храм в память незабываемых событий погребения великого Осириса. Сюда постоянно стекались паломники, из которых многие были даже чужестранцами. Но среди египтян существовало поверье, что каждый человек, а тем более египтянин, должен хотя бы раз побывать в этой земле, поклониться богам и получить благословение на жизнь и дела человеческие. Именно отсюда, из древнего Египта, по всей земле и во всех религиях укоренился подвиг паломничества к святым представителям потустороннего мира, ибо только получив помощь от богов Египта или же от Единого Вседержителя, известного уже тогда, человек мог что-то сделать на земле, ничуть не прозябая в бездельи.

С этим нельзя было не считаться, поскольку ни один египтянин, не получивший благословения богов, то есть, не совершивший паломничество, непроизвольно соглашался с тем, что не способен в этой жизни ни к чему, кроме поедания пищи и послеобеденного отдыха в блаженной тени сикомор. Но никчёмный человек никогда не сможет сделать ничего даже для своего номарха,³ не говоря уже и о несчастной семье этого бездельника.

Храм Сети не принадлежал ни к каким из величественных или древних святилищ в стране, но он был копией храма Амона-Ра в Мемфисе, хотя занимал огромную площадь около ста пятидесяти моргов,⁴ на которых уютно покоились сады с пальмами, тамариндами и сикоморами.

Среди живописной зелени, тёмных рощ акаций, окружённых прекраснейшими цветами, то тут, то там виднелись дворцы жрецов, истинных хозяев этих мест.

Водоносы постоянно занимались поливкой садов и пахотных угодий. Для этого вода из реки закачивалась в каналы, а иной раз орошение случалось и просто вручную.

Такие же дворцы, но ещё великолепнее прижились ниже, в южной части Мемфиса, на правом берегу Нила. Город с храмом Амона-Ра со стороны севера соединяла единственная, можно сказать, дорога, уставленная двумя рядами каменных сфинксов, у которых огромные бычьи тела с львиными лапами и орлиными крыльями были увенчаны человеческими или же бараньими головами. Сфинксы вольготно разлеглись по обе стороны дороги, уставившись, друг на друга, беззвучно споря о чём-то своём сокровенном, или же просто беседуя о прошлом, грядущем и настоящем. А, может быть, опять обсуждали болезненную тему охранения живущих на земле людей, находящихся у богов в неисправимой опале. Но от кого же охранять опальных? В этом вопросе сфинксы до сих пор не могли разобраться.

Но город не интересовался их каменными разговорами. И, если дворцовый квартал Луксор отвоевал для себя южную часть города, то Карнак был строгим северным кварталом. Более того, Карнак считался признанным кварталом богов, имеющим в центре своё бессмертное сердце – храм Амона-Ра, возле которого красовалось несколько прудов, окружённых смоковницами, апельсинами и тополями. Живописная природа северной части города выглядела как

² Тин (Тинис) – главный город 8-го нома, недалеко от Абидоса. Родина фараонов двух династий (3200–300 до Рождества Христова).

³ Номархи (греч.) – правители Номов, регионов, на которые делился Египет.

⁴ Морг – 56 аров.

самый обширный парк с ухоженными аллеями, проложенными на четыре стороны света. Стоит ли сомневаться, что южная часть города оставляла в египтянах и приезжих гостях только общепринятое поклонение. А южная часть радовала глаз любому пришедшему сюда своей кипучей жизнью.

В огромном парке Мемфиса все деревья были правильно посажены и одной высоты. Даже растения тут не кучковались смешанным кустарником, а посажены были определёнными семьями, стриженные определёнными геометрическими причёсками – везде чувствовалось заботливое человеческое внимание. Радовали глаз также пальмы с тамариндами и мирты с кипарисами, между шеренгами которых можно было увидеть какой-нибудь таинственный иероглиф, изображенный рядами послушно выросших цветов. Видать садовники специально высаживали цветы на клумбы в виде символов, несших с собой всё те же заповеди жителей потустороннего Зазеркалья.

Надо сказать, что зеркал, кроме изумительно начищенных бронзовых, Египет пока ещё не познал, но уже существующие зеркальные предметы служили каббалистам окнами в запретные миры. Тем более, что кабалистическими мистериями давно уже тайно увлекался сам сын фараона Менефта, хотя на природу и жизнь города мистические увлечения будущего властелина Египта никак пока не влияли.

Центральную часть благоустроенной городской лесостепи занимал прямоугольник длиной более восьмисот пятидесяти шагов и шириной около трёхсот восьмидесяти, за которой и находился священный храм Амона-Ра. В окружающей его не очень высокой стене были видны только одни ворота. Но сколько потайных калиток скрывала густая зелень кустов, не знал, вероятно, никто, потому что жрецы, слуги и рабы пользовались только своими привычными, а для посетителей открывались во время службы главные тяжёлые ворота. Через них богомольцы входили во двор, выложенный тёсаным камнем.

Посередине двора находился сам храм, ста пятидесяти шагов в ширину и больше четырёхсот в длину, украшенный снаружи фресками и молитвенными иероглифами. От ворот к храму также вела аллея, окружённая двойными рядами сфинксов, но по ней ходили только высшие сановники. Остальным прихожанам, даже паломникам из Ирана и Месопотамии, приходилось проходить по боковым тропинкам.

В конце аллеи возвышались два тонких четырёхугольных обелиска из красного гранита. На плоских гранях обелисков была начертана вся история земной жизни Осириса, Исиды и их сына Гора. Позади этих колонн высились две мощные усечённые пирамиды, называемые пилонами.

Эти две широкие башни служили надёжными стражниками тяжёлым воротам храма, ибо одним видом своим внушали пришедшим сюда произвольную боязнь. Ворота открывали путь в перистиль, который тоже был двором, только окружённым галереей, поддерживаемой множеством толстых мощных колонн. Из этого двора люди ещё имели право входить в первый зал, носящий имя гипостиль, потолок которого тоже поддерживался огромными колоннами, но этот зал был последним для мирян.

Даже самые богатые сановники, не имеющие посвящения в мистирию Осириса, могли возносить молитвы только отсюда и смотреть на занавесь, покрывающую статую бога в следующем зале «божественного откровения». Туда проходить разрешалось только избранным, и перед входом молящиеся замирали, как перед заветной чертой прошлого и будущего. Все пришедшие знали, что где-то там, перед ними, несомненное жилище самого бога Осириса.

За запретным залом находился ещё один, называемый «залом божественного отдохновения». Где-то там, в глубинах этого не менее обширного «зала отдохновения», разместились часовня, выдолбленная в каменной глыбе, где и почивал бог после трудового общения с народом. Туда не имел право входить никто из живых, кроме верховного жреца и фараона.

На стенах и колоннах каждого зала красовались исторические рисунки фараонов, с иероглифическими надписями начиная от Менеса, первого повелителя Египта и до Рамсеса Великого, который был ещё жив, но заслужил поминовение хотя бы одними только победами над девятью чужестранными государствами, пытавшимися поработить Египет.

Вообще-то и в других приделах, прилегающих к гипостилю, повсюду можно было увидеть рисунки, даже прочесть таинственные письма. Знаменательно, что прочесть мистические наставления разрешалось любому посетителю, владеющему грамотой. Именно тут содержались исторические записи о завоёванных странах, о географии Египта, об проникновении в другие миры. Можно было полюбоваться на астрономические карты или религиозно-обрядовые картины, которым именно в храме следовало быть для всех путеводной звездой. Мистические мистерии и кабалистические ритуалы за пределами храмов запрещались. А отважившиеся на это жрецы, навсегда исчезали в подземельях храма, как непослушные нашкодившие еретики.

И всё же были здесь ещё выставлены на всеобщее обозрение красочные путеводные наставления, как управлять силами природы, как вызвать загробные тени. Эти письма служили явным искушением для увлекающихся кабалистикой. К счастью, воспользоваться ими не всегда могли даже владеющие грамотой, потому как со времён возникновения Египта во всех жреческих храмах прижилось понятие тайной тройственности существующего мира, поэтому понять учение мог не каждый.

Понятие триединства пришло из более древнего государства русичей, находящегося далеко на севере за Эвксинским Понтом. Царство Десяти городов со столицей Аркаимом было известно во многих концах света. Там родился Заратуштра, ставший в Иране пророком. Но жреческие тайны не оглашались ни в одной стране, потому как жреческую мудрость мог понять и принять не всякий смертный. В Египте тоже умели хранить священную мудрость, но жрецы всегда скрывали от людей понятие триединства. Это считалось одной из божественных наивысших тайн, приобщения к которой достойны лишь немногие.

Занесённые в Египет халдеями и шумерами тайные знания нашли отклик в сердцах многих египтян, поэтому жреческая каста приняла единственный жизненно-верный закон о триединстве всего видимого: всё сущее берёт начало от того, что существует, а вещам несуществующим невозможно стать сущими. Но далеко не все жрецы, а только истинный посвящённый мог правильно прочесть таинственные иероглифические наставления, выведенные на стенах и колоннах храма. Ведь недаром только посвящённые допускались разделять управление существующим миром.

В то время, когда солнце уже серьёзно задумывалось над погружением в Ливийский песчанник вплоть до завтрашнего дня, к Величественному храму Амона-Ра шагали двое одиноких юношей. Хотя таких приметных путешественников обычно сопровождали слуги, так как тот, что повыше, одет был в короткую юбочку, украшенную передником в синюю и белую полосу, а его малорослый спутник шествовал в тонкой полотняной тунике, перепоясанной широким кожаным ремнём. Но на груди у обоих виднелись золотые цепи, которые имели право носить только знатные.

У того, что повыше ростом, юбочку скреплял на животе пояс с золотыми пластинками, который издали можно было принять за эфуд.⁵ Причём, человека, носящего пояс посвящения, обязательно должны были сопровождать негры с носилками и несколько невольников. Вероятно, отрокам захотелось просто прогуляться в благодатном одиночестве или побеседовать без соглядатаев, поэтому ни слуг, ни сопровождающих девиц, ни носилок не было, Они

⁵ Эфуд – пояс, отличающий посвящённого египетским мистериям. Такие обычно полагались только высокопосвящённым.

шли довольные своим одиночеством, поскольку времени побыть вдвоём, поговорить без посторонних, им явно не хватало.

Низкорослый, бросив взгляд искоса, заметил, что его долговязый спутник вышагивает походкой важного господина и обеими руками держится за пояс, очень похожий на эфуд. Долговязый явно разучивал величавую походку сильных мира сего, что у него выходило довольно-таки неумело и вызвало усмешку тонких губ низкорослого юноши.

– Разве ты не знаешь, Менефта, – чуть заикаясь, произнёс коротышка, – что эфуд разрешено носить только посвящённым? За подлог священного пояса сам фараон тебя не помилует, несмотря на то, что он твой отец.

Услышав такое обличение, спутник недорослика оторвал руки от пояса, будто золото пряжки вспыхнуло ярким пламенем на его животе, потом снова схватился за злополучную пряжку, прикрывая её ладонями, потому как не знал, куда деть руки. Долговязый Менефта споткнулся на ровном месте, и его величавую походку можно было назвать уже мистическим миражом налетевшего из Ливийской пустыни злого ветра.

– Но ведь ты же знаешь, Хозарсиф, что это не эфуд?! Мой пояс только похож на святыню! Я вовсе не посягаю на жреческие законы! – начал защищаться долговязый и, непроизвольно копируя друга, принялся так же заикаться. – Но ведь ты не донесёшь на меня отца?

Коротышка не обратил на новоявленного заика никакого внимания, только машинально правой рукой принялся накручивать на палец косичку,⁶ что привык делать в минуты раздумья. Потом обратился к спутнику уже серьёзно:

– Прости, друг, – серьёзно проговорил Хозарсиф. – Я совсем не хотел обидеть тебя. Но в отличие от тебя я помню, что от рождения считаюсь твоим двоюродным братом, а где ты видел, чтобы брат предавал брата или доносил на него? Тем более жрецы уже отдают тебе таинства своих знаний, как и положено наследнику фараона.

– Зря завидуешь, Хозарсиф, – удовлетворённо наклонил голову собеседник. – Я хоть и старше тебя, но до сих пор не могу постигнуть тайных знаний нашей страны. Знаешь, жрецы постоянно предлагают обращаться только к собственному разуму. А что я могу выискать в разуме, если не знаю, зачем и как сотворён человек? Тебя я всегда слушаю со вниманием, ибо ты наделён даром словотворчества, хоть и заикаешься. Я уже привык понимать тебя, и за наши беседы боги вознаградят тебя.

– Но ведь любому, кого ни спроси, известно, что Египет – это образ неба, то есть отражение неба, как в воде, или бронзовом щите воина, – для наглядности Хозарсиф даже показал указательным пальцем на небо и землю. – Всё, что происходит здесь, то обязательно отражается на небе. Ведь наши боги не гуляют по Египту и не плавают в барках по Нилу, но всегда знают, что здесь происходит, кому оказать помощь и кого стоит наказать. Недаром нашу землю считают небесным храмом, и жрецы это прекрасно знают. Но они не знают, что напрасно соблюдается в Египте культ богов. Наша страна – совсем не отражение небесного мира.

– Ты в своём уме, Хозарсиф? – искренне ужаснулся Менефта. – Ты, верно, наслушался наставлений Отоя, духовника твоей матери. А она хоть и сестра моего отца, но, как настоящая принцесса, не должна слушать наставника из Месопотамии. Да и чему может научить простой шумер, хоть он и жрец?

– Представь себе, именно шумерский жрец может рассказать правду о сотворении мира, – улыбнулся низкорослый. – Может научить, как управлять этим миром. Ведь человек за свою короткую жизнь никогда не сможет даже придумать управления. Но всё равно скоро наши божества покинут землю и оставят Египет без своего покровительства. Финикийцы и ассирийские чужестранцы будут, как и раньше проникать в страну и превратят её в большой базар: продадут всё, что можно и что нельзя. Видимо, так устроен этот мир. Но он никогда не

⁶ В Древнем Египте у детей сбрасывали волосы на голове, оставляя сбоку прядь, которую часто заплетали в косичку.

будет отражением небесного. Единственно, кому удастся спастись – это евреям, потому что эти люди молятся одному Богу, и они могут не выжить, не спастись от человеческой ненависти, но донесут Слово Божие всему миру.

– Неужели о тебе говорят правду, Хозарсиф? – глаза Менефты округлились. – Неужели моему отцу доносят о тебе правду?

– Что именно ты узнал от доносчиков? – вскинул голову коротышка, и глаза его подозрительно сузились.

– Часто в номах ходит из уст в уста легенда о твоём рождении, – царевич даже понизил голос, как будто сообщал другу страшную и великую тайну. – Говорят, будто ты не настоящий сын сестры моего отца, фараона Рамсеса II, да будет прославлено имя его! Говорят, что ты вовсе не брат мой! Будто одна из еврейских рабынь положила своего младенца в тростниковую корзину и пустила вниз по реке, чтобы младенца не убили стражники или не сделали его рабом. Но корзинка не попала в пасть крокодилу, не утонула. Её обнаружила в зарослях тростника молодая принцесса, сестра фараона, и повелела служанкам, гуляющим с ней, никому не говорить о находке. Более того, она приказала пустить слух, что тайно родила мальчика. И этот мальчик – ты, Хозарсиф.

Спутник Менефты даже остановился у одной из статуй, слушая и недовольно хмурясь, но виду не подал, что слышал уже эту историю. Неизвестно было ли что-нибудь в этом повествовании хоть сколько похоже на правду, только, кто же распускает такие дурацкие сплетни по Верхнему и Нижнему Египту? А сейчас обвинение было высказано в лицо.

Юный Хозарсиф с детства терпел выходки своего двоюродного брата, а «секретное» обвинение подкидышем, выдавало с корнем прямого наследника в боязни за свой будущий трон. Поэтому Хозарсиф совершенно спокойно ответил на этот неуместный выпад близкого родственника:

– Злым языкам, мой друг, пристало царствовать в этом мире на все отпущенные богами годы и века. Никто из нас не защищён от человеческих словоблудий. Я знаю, что принцессе, то есть моей матери, приписывают связь с евреями из Гесема. Поскольку она бывала там, сопровождая своего духовника жреца Отоя, о котором ты только что вспоминал. Я не раз сопровождал мать в этих поездках и уже познакомился с евреями из долины Гошена, племя которых известно под именем Бен-Иакова. И скажу тебе, они ничем не плохи. Более того, я вижу будущее еврейского народа именно в том, что эта нация кочевников должна стать связующим звеном меж Северной Гипербореей и Ближней Азией. Ныне ассирийские цари объявили себя, если не властителями мира, то всех четырёх частей света. Но, поклоняясь Ваалу и многим другим идолам, они мало чем отличаются от нас, египтян. Резвее что, свирепости у них намного больше.

Хозарсиф на минуту замолчал, поскольку старался никогда не проявлять своих ораторских способностей из-за природного заикания. Впрочем, их-то у юноши как раз не хватало. Он позволял себе вслух поразмышлять только в беседах с матерью, двоюродным братом, да ещё с другом детства Аароном, который зачастую говорил вместо Хозарсифа, когда тот начинал заикаться. Но сейчас Аарона рядом не было и пришлось просто передохнуть.

– Я скажу тебе, мой брат, – продолжил юноша. – Идея многобожия не влечёт за собой объединения человечества и создания одного закона доброты и справедливости. Религия всегда разъединяет людей, а вера объединяет. Нашим египтянам, ассирийцам и даже шумерам далеко до веры, какой владеют евреи. Если же еврейскому народу надлежит быть избранным, неважно как отнесутся к этому верные, неверные, даже сам народ, но если кто-то из избранных возвеличится в гордыне, то будет проклят Богом на все времена. А если кто-то станет поклоняться идолу и не признает Бога, будет отвергнут раз и навсегда от путешествия в Абидос.⁷

⁷ Абидос (др. греч.) – город Верхнего Египта, родина фараонов и царство мёртвых властителей Египта.

– Ты говоришь страшные вещи, Хозарсиф, – непритворно поёжился Менефта. – Не будет ли на тебя самого послано проклятие от богов за произносимые речи? Ведь высказанное слово, есть истина. Хотя ни мой отец, ни жрецы истину не любят, таковы их законы.

– Ты делаешь успехи в умственном развитии, брат мой, – печально усмехнулся Хозарсиф. – Я лишь песчинка в нынешнем мире. Но по молитвам жреца Отоя мне стали часто приходиться во сне откровения. Я даже предвижу будущее не только своё, но и всего Египта.

– Так расскажи, что тебе приснилось? – воскликнул Менефта. – Может быть, в твоих откровениях боги посылают нам истину!

– Истина по моим видениям бесславна, – печально улыбнулся Хозарсиф. – Гораздо неприятнее будет выглядеть эта страна, освящённая столькими храмами и святилищами. Здесь когда-то будет пустыня. Весь Египет превратится в страну мертвецов, где тьму предпочтут свету, где саму смерть будут считать божественной благодатью. Верующего в Единого Бога посчитают сумасшедшим, каждого проходимца возвеличат, как мудреца, а каждому тирану и человекоубийце припишут добродетель. Даже писцы будут возносить им хвалу и поклонение за всё зло, посеянное в мире.

Хозарсиф снова замолк. С двоюродным братом они хоть и не часто, но с раннего детства подолгу общались, благо, что заикание не мешало старшему слушать и понимать младшего. Помассировав рукой шею в районе кадыка, Хозарсиф продолжил:

– Предки египтян с глубокой древности превозносили души демонов и признавали их способными творить добрые или злые дела, совершать чудеса и владеть этим миром. Поэтому у множества наших богов разные виды и способности, разное отношение к живому человеку и к человеческому миру.

Но пока человек не познает, что Бог Един, что Он и всё, и ничто, что Он в каждом из нас и в Себе Самом, что Он где угодно создаст что-то из Собственного небытия и превратит существующее уже в, казалось бы, невозможное целое, то этот человек не сможет понять своё Божественное начало, откуда он и для чего пришёл в этот мир.

Ты знаешь, что ежегодно во время летнего солнцестояния Нил принимает кровавый оттенок, который не могут смыть никакие проливные дожди, а их из Абиссинии налетает множество. Ветра каждый год обрушиваются на Египет, Нил разливается, но не меняет своего цвета до самого осеннего равноденствия. Все считают, что так и надо, потому что так случается каждый год, но жрецы знают о Божественном откровении, о стремлении Творца вернуть своих сыновей на путь истины. Ведь окрашенная цветом крови вода, говорит о том, что наши боги приведут Египет к гибели. Вся страна просто захлебнётся кровью.

Ныне жрецам с помощью других подвластных сил легче управлять народом, влиять на фараона и приводить в трепет врагов. Да ты и сам это знаешь не хуже меня, поскольку давно уже знаком с оккультными науками.

– Хозарсиф! – воскликнул Менефта. – Ты обвиняешь меня в противлении указам жрецов? Ты хочешь сказать, что я участвую в магических мистериях вне стен храма?

– Я ничего не говорил, – пожал плечами Хозарсиф. – Но ты сам признался в своём увлечении. Поэтому должен знать, какую власть можно получить при помощи приходящих из другого мира. Многие наши жрецы умеют пользоваться дарованным знанием и энергиями Вселенной. Многие пользуются помощью оккультных знаний для управления народом, но это не наш путь.

Такой мудростью не пользовалось ни одно правящее сословие, ни в одном государстве, и оккультизм никогда не спасёт Египет от гибели. Лишь когда человек познает путь к Единому Богу, его ожидает победа над всеми злобными силами этого мира.

Но даже победа придёт не сразу. А если не придёт вовсе, то человечество вымрет, уничтожит себя собственными руками, позволяя себе разгульную жизнь и пиры на собственных похоронах. Опять же все будут думать, что так и надо! Ты же знаешь, у Египта всегда был и

будет только один фараон. Сейчас это твой отец, а за ним придёшь ты. Во все времена власти жаждут многие и чаще всего недостойные. И ныне, и в будущем многие жрецы всегда стремятся стать незаменимыми советчиками фараона, душеспасителями, и душеприказчиками.

Но на земле один фараон. Значит, и на небе только одни Бог, хотя многие демоны стремятся стать учителями Создателя. А чему они могут научить? Вот посмотри. Сколько добра сеет вокруг Исида, супруга Осириса, сколько благоденствия приносит она людям, когда не разгневана! И сколько бед может принести она же какому-нибудь неповинному, попадись ей тот под горячую руку?

Божественное ли это создание, коли гнездятся в её душе радость и страдание, благодать и гнев? Ведь Бог никогда не творит зла, иначе Он не создавал бы этот беспутный мир, демонам на потеху. Поэтому все наши божества лишь сотворение человеческого ума и чувства, что где-то есть Настоящий Бог, а кто Он? И человек часто рисует для себя идола или поклоняется попавшемуся под руку демону.

Поэтому в Египет пришло поклонение животным, которых человек почитает всю свою жизнь и без которых не видит будущего. Поэтому иногда возникают войны между нашими городами, жители которых поклоняются разным богам, но боги ли это? Ведь настоящий Бог никогда не дарил зла человеку. Это происки демонов, возникших от того же Всевышнего, но смешавшие в себе непримиримые друг с другом вещи. Ведь не может день смешаться с ночью или Луна заменить Солнце. Каждая вещь хороша сама по себе, но, ежели смешать их, то получится страшная буря, приносящая зло человеку.

– Откуда ты это знаешь, о, Хозарсиф? – глаза Менефты смотрели на брата с нескрываемым любопытством. – Ведь ты ещё даже не посвящённый!

– Жрец Отой, наставник матери, стал и моим наставником, – пожал плечами юноша. – Мудрость земли не умирает с народом или государством, и переходит к посвящённым...

– Смотри! Рабы несут сюда носилки! – перебил его Менефта. Он даже непроизвольно схватил брата за руку.

Беседуя, молодые люди неприметно вышли на площадь к ограждённым пилонами воротам храма. Навстречу им восемь нубийцев несли носилки, балдахин которых был покрыт шелками с золотой вышивкой. В таких носилках могла путешествовать только особа знатного рода, и царевичу показалось, что он видел уже такие носилки. Хоть ничего в этой встрече неожиданного не было, но и показываться родственникам вместе с Хозарсифом царевичу явно не хотелось.

– Кажется, это твоя мать, – добавил Менефта, и оба юноши склонились до земли, приветствуя сестру владыки Египта.

Носильщики осторожно опустили носилки прямо посередине Серапеума.⁸

Царские носилки имели высокий поддон, чтобы выйти из них, нужна была небольшая лестница. Этой лестницей стал один из нубийцев, опустившись в земном поклоне и подставив обнажённую чёрную спину.

Принцесса, ибо это действительно была она, легко сошла на землю и направилась к склонившимся перед ней юношам. После ритуального приветствия она сделала Менефте знак рукой, чтобы он оставил мать наедине побеседовать с сыном. Тот поклонился и отошёл с недовольной физиономией. Но принцессе это ничуть не тронуло. Встреча с сыном для неё была явно важнее и то, что мать оказалась здесь – совсем не являлось случайностью.

– Ты редко являешься ко мне, Хозарсиф, – начала мать со строгостью в голосе, но у неё это плохо получалось.

– Я не смею злоупотреблять вашим временем, матушка, – учтиво возразил юноша. – По первому вашему зову я являлся всегда и, думаю, не заслужил упреков в непослушании.

⁸ Серапеум – площадь в Мемфисе возле храма.

– Тем не менее, – продолжала принцесса, удовлетворённая сыновней почтительностью. – Тем не менее, я стараюсь следить за твоим воспитанием, мальчик мой. И уже настало время постигнуть глубины знаний, предназначенных для настоящих мужей. Настало время проникнуть в мистирию Исида и Осириса. Готов ли ты к этому?

Предложение матери оказалось неожиданным. Надо сказать, что юноша сам задумывался уже об этом, то есть о постижении знаний, к которым допускались отпрыски лишь жреческого и вельможного сословий, но никогда не предполагал, что всё будет так неожиданно. Видимо, всему виной послужило положение матери во дворце фараона. Ведь сам Рамсес II неоднократно советовался с сестрой по различным государственным делам, игнорируя советы и указания верноподданных жрецов. К тому же, советы сестры не раз помогали фараону укротить некоторых разгулявшихся соседей, и вернуть Египту утерянное было имя царства непобедимого и непокоряемого.

– Твой двоюродный брат давно уже готовится к посвящению, – подняла глаза на сына принцесса. – Неужели тебе не хочется последовать его примеру? Или ты считаешь себя не способным постичь учения древних мудрецов? Скажи, я не стану гневаться.

– Но Менефта старше меня, – возразил Хозарсиф, – Поэтому ему раньше открыли доступ к великозаветным учениям. К тому же воля его отца, Рамсеса II, не обсуждается.

– А со мной, значит, можно ещё поспорить? – улыбнулась мать. – Или моё предложение тебе оказалось не по сердцу?

– Я вовсе не хотел вас обидеть, матушка, – принялся оправдываться Хозарсиф. – Просто сказал, не подумав. Простите.

Царственная мать удовлетворённо кивнула:

– Когда-нибудь, если захочешь, всё это может принадлежать тебе, – она указала рукой на лежащий за спиной мальчика город, на воды живоносной реки, на раскинувшиеся за ней плоскогорья. В общем, на весь мир, расстилающийся у ног мальчика и готовый по его желанию попасть безропотно к нему под ноги.

– Вы хотите, чтобы я властвовал над этой страной? – глаза Хозарсифа лучились, словно огоньки, вспыхнувшие в глазах нильского крокодила. – Вы хотите, чтобы я в подобие нашему народу молился человекошакалам и человекоибисам? Это не боги, а всего лишь идолы. Можно с уверенностью сказать, что даже не идолы, а демоны из запредельного мира. Все они погибнут через несколько лет. И страна тоже погибнет.

Мальчик нагнулся, сгрёб ладошками горстку песка из-под ног, поднял руки над головой и всё рассыпал по воздуху. Песок, словно мелкие капли дождя, развеялся без остатка и, смешавшись с принявшей его землёй, был уже совсем неприметен и даже невидим.

– Вот чем станет Египет и молящийся идолам народ! – засмеялся Хозарсиф. – Вот что ожидает эту, великую ныне страну! Стану ли я желать величия в ней, о, мать моя?

– Ты с ума сошёл, сын! – голос принцессы задрожал то ли от гнева, то ли от испуга за своего мальчика, открыто произносившего ересь. – Ты против знаний, которые веками берегут жрецы для процветания всей страны! Ты против религии твоих отцов! Утверждая такое, тебя никогда не посвятят в жреческий сан и, если боги разгневаются, ты не сможешь принять жреческого учения.

– Во все нет! – опять возразил её сын. – Я никогда не иду против Истины, матушка. Самая Божественная Троица – это Осирис, Исида и сын Гор. Но они не боги, они Божьи создания. О настоящем триедином Боге – Элоиме или Саваофе – знают жрецы, но это скрыто ото всех, даже от фараона. Это знает любой жрец Абидоса и это величайшая тайна, скрывающая путь к Истине. Жрецы скрывают эту тайну лишь для того, чтобы легче было управлять народом, ведь боги-идолы всегда могут жестоко наказать непослушных. Пусть это делается руками тех же жрецов, но страх принуждает к животному послушанию. А Всевышний на самом деле не таков. Он не наказывает своих детей за проступки, а ждёт, чтобы мы научились понимать его.

– Сын мой, – голос матери прозвучал глухо. – Сын мой, я дала тебе жизнь, я родила тебя, я заботилась о тебе, но сейчас совсем не знаю, кто ты, что ты собираешься делать?

– Я сам не могу знать этого, – пожал плечами мальчик. – Что Богу угодно, то со мной и будет. Но в этот раз Всевышний желает, чтобы я постиг жреческое учение и дальнейшую мистерию посвящения Исида, для того Он и послал вас. А если это так, то благословите меня, матушка, поскольку без родительского благословения учения не будет.

Юноша опустил на колени, скрестив руки на груди. Его мать несколько мгновений стояла перед ним молча, потом вынула из причёски цветок лотоса, который носила над правым ухом по обычаю женщин храма и отдала сыну. Затем положила правую руку ему на голову и совсем ровным спокойным голосом произнесла:

– Сын мой, я действительно разговаривала о твоём будущем с братом своим, фараоном нашего царства и со жрецами здешнего храма. Никто из них не против твоего познания тайн божественной истины. У истоков этой бесконечной реки ты стоишь сейчас. Ты уже познал, слушая уроки Отоя, основу основ жреческих тайн и это поможет тебе пройти испытания при вступлении на путь познания. Ты правильно почувствовал, что я прибыла сюда не просто так. Повторяю, ни я, ни твой дядя не против твоего посвящения и учёбы в здешнем храме. Но ты сам должен решить здесь и сейчас – нужно ли тебе это? Сможешь ли ты посвятить себя познанию истин?

– Я согласен, матушка, – кротко ответил Хозарсиф.

– Хорошо, – удовлетворённо кивнула принцесса. – Отныне ты не должен никогда и никому говорить о том, что я только что слышала от тебя, иначе познаешь смерть. Помни, тайные знания дают большую власть над людьми. Если дадут многое, многое и спросят. Но ни с кем не делись своими познаниями о Едином Боге, иначе тебя принесут в жертву богам Египта.

Запомни: ни с кем не делись мыслями, чувствами и ни от кого не принимай советов, как следует поступить. Только я могу давать тебе нужные наставления, но видаться мы сможем не часто. А если в храме необходимо будет срочно принять какое-либо решение, искренне проси совета у Бога. У того Бога, о котором тебе рассказал Отой. Совет, как поступить, придёт Свыше, и ты в своё время поймёшь это, почувствуешь и оценишь помощь, приходящую от Всевышнего. А сейчас тебя, сын мой, ждёт первосвященник Мембра. Этот жрец проводит тебя к Осирису.

– Прямо сейчас?! – удивился мальчик.

– Да, сын мой, прямо сейчас, – кивнула принцесса. – Запомни, никогда и ничего в жизни не откладывай на завтра или послезавтра. Всё, что можешь, делай только сейчас. Каждый человек состоит только из того, что он может и чего не может сделать. А если придётся принимать решения немедленно, то вера в то, что тебя не оставит Саваоф, спасёт и выручит.

С этими словами принцесса подняла юношу с земли и поцеловала в лоб:

– Иди, мальчик мой, да спасёт тебя моя любовь и тот, кто сотворил весь наш мир.

Хозарсиф оглянулся. В воротах храма, где давно уже скрылся Менефта, стоял священник. Единственное, чем можно было отличить его от остальных, это перекинутая через плечо шкура барса. Такие имели право носить только первосвященники. Юноша знал первосвященника Мембру и даже сталкивался с ним во дворце, где жил вместе с матерью, но до сих пор не удосуживался внимания первосвященника. Мембра иногда приезжал в гости к принцессе или же являлся по требованию фараона, но ни разу до этого Хозарсиф не удостоился жреческого внимания.

Этот подарок со стороны матери был воистину царским, потому что, если Мембра останется благосклонен к отроку, тот сможет понять, изведать и усвоить такие истины, к которым редко допускаются простые смертные. Кто знает, какие возможности откроются перед мальчиком после овладения тайной жреческих мистерий? Может быть, именно жреческую школу

и мистерию посвящения необходимо пройти для того, чтобы научиться управлять народом, к которому он был уже не равнодушен.

– Я долго тебя не увижу, сын, – снова заговорила принцесса. – Но ты должен всегда помнить, что ты потомок фараонов, что принадлежишь к великой династии, и что бы ни приготовил для тебя Творец, ты обязан выполнить. Это обязанность на всю жизнь, потому что в тебе кровь фараонов.

Она ещё раз заглянула юноше в глаза, потом развернула его и легонько подтолкнула навстречу первосвященнику.

Глава 2

Легче вовремя вспомнить и исправить ошибку. Но будет ли она исправлена?

*Для религии только святое – истина,
для философии только истина свята.*

Л. Фейербах

Иерофант Мембра, вышедший встретить Хозарсифа, не двигался с места, ожидая, пока сам неофит приблизится к нему. Несмотря на то, что мать подтолкнула его сзади, сознание юноши вдруг поразил удивительный сон, который приснился ему сегодня. Почему сон вспомнился именно сейчас, Хозарсиф не мог понять: либо видение стоявшего перед ним жреца, либо предстоящая дорога с обучением тайных знаний и мистерией посвящения в жреческий сан, либо какая-то связь с запредельным миром, но сон снова промелькнул перед ним, словно комета по ночному небу.

Когда-то жрец Отой, узнав о том, что мальчика иногда посещают осязаемые сны, наказал Хозарсифу записывать всё случившееся на папирусе или же на глиняных дощечках, но не оставлять виденное во сне, как простое приснившееся приключение. Ведь реальные ощутимые сны человеку снятся не каждый день. А если такой сон приходит, то необходимо обязательно записать его, ибо через сны Высшие силы часто стараются сообщить человеку то, что он должен знать в настоящее время.

Однажды юноше приснилось, что он поднимается по узкой каменистой тропинке высоко в гору, но поскользнулся, упал и ушиб руку о камень, а, проснувшись, обнаружил большой синяк на том самом месте, которым ударился о камень во сне. Более того, ушиб болел и заживал очень долго. Жрец объяснил, что такое иногда происходит с избранными, и в Месопотамии эти раны называют стигматами. Поэтому всё, что Хозарсиф отныне видел во сне, сразу же заносилось на папирус. Писать юноша уже умел, только сегодняшней сон записать ещё не успел. Может быть, именно поэтому увиденное решило напомнить о себе и взбудоражило память? пространство перед ним вздыбилось, превратилось совсем в иной мир. То есть, юноше приснилось какое-то другое государство, караван верблюдов, коней и осликов, приближающийся к оазису, находящемуся в пустынной скалистой местности. Снова привиделись те же люди, тот же мальчик, с которым, видимо, его свяжет судьба.

День клонился уже к вечеру, за которым должна была обрушиться на землю густая звёздная ночь, укутав природу своим тёплым непроницаемым покровом. Небольшой караван путешественников остановился на ночь в оазисе, приютившимся у подножия Ливийских гор. Самым бесценным среди пальм, кипарисов и тамарисков был источник, небольшое озеро. Вода на Ближнем Востоке ценилась больше всех мировых богатств. Земля полупустыни не везде и не очень была богата растительностью и плодородием почвы, но всё же давала жизнь народам, любившим эти места.

Может быть, в этом присутствовала какая-то своя прелесть, но никакой кочевник не получит доступ к мудрости. Так говорили жрецы, так и было на самом деле. Племена кочевников постоянно бывали в городах, но к осёдлости привыкали не все и далеко не сразу. Но каждый житель этой страны получал что-то своё и успокаивался.

Значит, не совсем ещё Бог осерчал на непослушных кочевников. Значит, даёт ещё один шанс понять, прославить и донести всему миру Божественную Истину. А Истина, какая она? Если честно, то везде разная, то есть, у каждого человека – своя. Вот здесь, например, в оазисе,

Истина – это то, что в этих местах была и есть животворная влага, приносящая радость не только животным, но и людям, паломникам в Иерусалим.

Пока мужчины поили верблюдов и ослов, жёсткими щётками расчёсывали им шкуры с короткой, но свалявшейся во время пути шерстью от поклажи, женщины готовили трапезу, а многочисленные детки, предоставленные на время самим себе, занялись играми. Те, что постарше, деловито помогали либо матерям, либо отцам. А совсем маленькие мастерили из глины и песка крохотную дамбу в спокойной заводи пресноводного источника.

В караване дети путешествовали отдельно от отцов и даже от матерей. Под присмотром нескольких женщин все они находились в обозе, но в различных местах. Мальчики обычно шли за повозками, или увязывались за верховыми впереди каравана. Подражая воинам, мальчишки с детства обучались выносливости, военным играм и привыкали к дисциплине. А девочки, особенно младшенькие, находили себе место в огромных повозках среди тюков с бараклом, овсом, ячменём и крупой.

Одна из путешественниц решила проведать своего сына на «детской половине», но, сколько ни искала, среди больших и не очень подростков, мальчика не было. Не оказалось его среди строителей глиняной дамбы на берегу водоёма, ни среди детей, присматривающих за жертвенными овцами. Паломники готовились принести овец в жертву Богу, ведь в Иерусалиме был праздник Пасхи, и в Красную неделю месяца Адар⁹ каждый день полагалось приносить жертву. Но мальчика не было и здесь. Женщина, не на шутку встревоженная, подошла к детской половине, высматривая сына. Может, она просто его проглядела?

– Сестра моя, – обратилась она к одной из караванных воспитательниц. – Не знаешь, куда запропастился мой сын?

– Да что ты, Мицриам, – отвечала та, округлив глаза. – Я думала, он с тобой. Иисус такой удивительный и чуткий ребёнок, что вытворить какое-нибудь хулиганство просто не может. Не в его это характере. Ведь ты же знаешь, как я слежу за детьми, и твоего-то я бы никогда не упустила из виду. Пойди, спроси у мужчин. Может, он затесался среди них? А здесь твоего мальчика со времени выезда из Иерусалима вообще не было.

Мицриам поспешила по совету подруги к мужчинам, которые занимались своими важными делами, а в основном вовсю уплетали приготовленную женщинами еду, так что мешать мужской трапезе нельзя было, и мамочка, потерявшая своего мальчика, остановилась немного поодаль, высматривая: нет ли сорванца среди взрослых. Здесь не могли находиться только девочки, а мальчики, беря пример с отцов и копируя их, играли друг перед другом роль совсем взрослых, участвовавших в караванных заботах мужчин.

Мицриам вскоре заметили и тут же сообщили мужу, так как ни одна из жён не осмелилась бы самовольно нарушать вечернюю трапезу мужчин. Если пришла, значит, действительно что-то случилось. Её муж не заставил себя долго ждать, понимая: жена просто так не придёт.

– Что случилось, женщина? – голос у него был усталый, но ласковый. – Или что-то надо сделать?

Она поклонилась мужу, как положено, скрестив руки на груди, и, не скрывая тревоги, ответила:

– Я нигде не могу найти сына!

– То есть как? – поднял брови Иосиф. – О чём ты говоришь, женщина? Мальчик должно быть, где-нибудь со сверстниками. Ты везде посмотрела?

– Его нигде нет. Никто его не видел, – голос женщины готов был сорваться в истерический вопль. – Многие думают, что он со мной и не волнуются. Но мой сын никогда не исчезает, не сообщив о делах своих.

⁹ Адар – в еврейском календаре – февраль-март. В конце месяца был благословенный праздник Пасхи.

– А среди погонщиков смотрела? – опять нахмурился Иосиф. – Мало ли, может, и искать ребёнка вовсе не надо, никуда не денется.

– Ещё нет, у погонщиков не спрашивала, – потупилась Мицриам. – Но что ему там делать? Мальчик никогда не интересовался верблюдами или же ослами, хотя от ухода за животными никогда не отказывался.

– Мало ли! Наш сын как раз где-нибудь там, значит, волноваться не стоит, – пожал плечами мужчина и зашагал к источнику, где прямо на берегу расположились погонщики.

Жена семенила за ним. Но ни среди погонщиков, ни среди вновь проверенных детей, ни среди женщин мальчика не было.

– Яхве! – воскликнул мужчина, подняв обе руки к уже потемневшему небу, на которое неспешно высыпались крупные разноцветные, как драгоценные камни, звёзды. – Яхве! Помилуй нас!

Он так постоял некоторое время молча в позе оранты, воздев руки к небесам, потом повернулся к стоявшей неподалёку жене.

– Наш сын остался в городе, – спокойно сказал Иосиф. – Но с ним ничего не случилось.

– Как! Не может быть! – воскликнула женщина.

– Я сейчас как бы услышал голос, – начал объяснять её муж. – Голос ангела сказал мне, что он там, и вспомнил: наш мальчик всё время не выходил из святилища. А когда караван тронулся в путь, ни ты, ни я не посмотрели, присоединился ли он к нам. Ведь так?

– Что же делать? – задрожал от волнения голос женщины.

– Как что, Мицриам? – воскликнул Иосиф. – Мы должны вернуться. Мы снова поедem в Иерусалим. И это добрый знак, потому что Яхве не хочет отпускать нас просто так. Но животным хоть немного надо отдохнуть. Да и нам тоже. Иди, я разбужу тебя рано.

Но сколько женщина ни старалась хоть немного забыться, уговаривая себя, что всё будет в порядке, что обязательно надо отдохнуть – всё было тщетно. И когда с первыми лучами солнца вместе с погонщиками к Мицриам явился муж, она уже была готова.

Её посадили на одного из взятых в караване ослов, и группа из шести человек отправилась в ту сторону, откуда скоро должно было в полный рост выползти на небосвод древнее дневное светило, в той стороне находился священный город, где оставили потерянного мальчика.

Маленький караван продвигался довольно резво. Ослики, почувствовав возвращение, шагали весело. Причём, им сейчас не мешали ни верблюды всегда степенные и величавые, поплёвывающие на осликов свысока, ни тяготящиеся упряжные быки, не шибко величавые, но такие же неспешные, как и верблюды. Без этих попутчиков дорога складывалась гораздо веселее. Тем более, возвращение в город обещало хоть небольшое, но всё-таки угощение в конюшнях постоялого двора, поэтому ослики старались вышагивать во всю.

Ещё солнце не задумывалось спрятаться на ночь в потустороннюю обитель покоя, а справа уже показалась живописная, богатая тамариском и пальмами долина Енном, выходящая прямо к заветному Змеиному пруду. Этот водоём получил такое название из-за окунающихся туда после удушливой засухи змей, не нападающих в это время ни на кого. Более того, прокажённый, отваживавшийся в это время искупаться вместе со змеями, мог выздороветь даже от своей тяжкой неизлечимой болезни. Оттуда рукой подать было до Яффских ворот, которые открывали путь прямо к священному пруду Езекии и к лежащему за ним храму Иеговы.

Казалось, город радуется возвращению паломников, несмотря на то, что издали выглядел не очень радостно. Всё равно как распластавшаяся на горе величественная мрачная крепость, где прямо у входных ворот был выстроен богомерзкий амфитеатр Ирода, а на вершине господствовала над окружающим миром башня Антония. На стенах, как всегда, виднелись закованные в латы легионеры, соблюдающие и наводящие в городе давно заведённый римский порядок.

Путешественники по-своему радовались скорому разрешению проблем, хотя радоваться ещё было рано, поскольку, где искать мальчика, не знал никто. Предположение, что Иисус находится в храме Соломона, оставалось пока только предположением, не опирающимся ни на какую основу, кроме голоса ангела, услышанного Иосифом.

Вскоре дорога вывела возвращающихся людей в предместье, и узкими улочками путешественники поднялись к храму. Оставив на безлюдной в этот час площади осликов, все шестеро поспешили в святилище, а, войдя, ко всеобщей радости обнаружили потерявшегося Иисуса, стоящего в центре храма между двух групп взрослых мужчин, которым мальчик что-то увлечённо рассказывал. Но поскольку взрослые очень внимательно слушали молодого проповедника, значит, говорил он вещи весьма серьёзные. Хотя, если подумать, что может сказать мальчик? Какими речами он может заинтересовать степенных и уважаемых жителей этого города?

А он говорил и говорил непростые вещи:

– ... так исполняется то, что говорил пророк Исаия: «Вот Господь грядёт на облаке, и все творения руки египтян затрепещут при виде Его».

– Не хочешь ли ты сказать, дитя, – раздался голос одного из фарисеев. – Не хочешь ли ты убедить нас, что пророк говорил именно про тебя? Да, обе статуи богов в нашем храме упали, – говорящий показал на восточную стену храма, где на полу распростёрлись две свалившиеся с постаментов статуи богов. – Да, эти статуи упали. Но у одной подгнил постамент, а другую нечаянно задела служка. Ведь не может такая нелепая случайность свидетельствовать о пришествии Машиаха! Мальчик либо смеётся над нами, либо сознательно идёт на преступление!

– Не обвиняйте меня в том, что вы никогда не сможете доказать, – пожал плечами Иисус.

Вдруг при входе в храм раздался испуганные голоса, по толпе людей прокатилась волна ропота. В храм вошёл в сопровождении центурионов начальник этого города Афродиций. Видимо всаднику римских легионеров вовремя доложили о происшествии, поэтому он решил полюбопытствовать лично и убедиться в могуществе иудейского бога, о котором ему постоянно приходилось слышать от окружающих.

Всадник Афродиций твёрдым шагом прошёл прямо к валявшимся на полу божественным статуям, потрогал носком сандалии осколки, потом повернулся к Иисусу, сделал шаг в его сторону и отвесил мальчику глубокий поклон. По залу опять прокатилась волна ропота, но на этот раз подкрашенная пеной изумления.

– Я, Афродиций, говорю тебе Каиафа, – обратился он к иудейскому первосвященнику. – Говорю тебе и твоему народу. Если бы младенец сей не был Богом, ваши боги не пали бы на лица свои при виде обыкновенного мальчика и не простёрлись бы перед ним; таким образом, они признали отрока за собственного Владыку. И если мы не сделаем того, что видели, как сделали эти боги, – он указал на разбитые статуи, – мы подвергаемся опасности заслужить Божие негодование и гнев. И все мы погибнем смертью, как случилось с царём фараоном, который презрел предостережения Господа.¹⁰

В храме на сей раз, прокатился явный ропот саддукеев и фарисеев, не соглашающихся превратиться так вот запросто в поклоняющихся пророку и верных слуг его. Машиах, думали все, не приходит к народу запросто, и пророки никогда не приходят из Галилеи. Но откуда должны или обязаны прийти пророки – не знал никто.

– Мне доложили, что мальчик знает закон, – продолжил военачальник. – А не вы ли, служители бога, должны как зеницу ока оберегать закон? Послушаем, что скажет младенец.

Иисус стоял некоторое время молча посреди храма, потом всё же решил продолжить беседу с мудрыми мужами земли сей, тем более, что совсем неожиданно получил заступничество и поддержку от человека, рождённого в чужих землях, но считающего ответственным себя за славу и процветание страны обетованной.

¹⁰ Речь Афродиция в храме Соломона. «Книга о рождении блаженной Марии и детстве Спасителя». Апокриф.

– Пророчество Отца моего исполнилось на Адаме, – начал снова говорить мальчик. – Исполнилось по причине непослушания его, и всё свершившееся – по воле Отца моего.

Вам ли не знать, законникам, если человек преступает предписания Бога и исполняет дела Дявола, совершая непростительный грех, – его дни исполнились; ему сохраняется жизнь, чтобы он мог ещё покаяться и укрыться от обязательной смерти.

Если же он упражняется в добрых делах, время жизни его продлится, дабы слухи о его преклонном возрасте возросли и люди праведные, а тем более грешники, подражали бы ему. Ведь только через добрые дела даётся человеку сила радости и постижения истины.

Когда вы видите перед собой человека, чей дух скор на гнев, душа раскрыта для ярости и ум согласен совершать не только пакости, но и убийства, – дни его сочтены, ибо такие погибают во цвете лет.

Иногда злобные, свирепые и похотливые люди выживают. Иногда даже получают власть. Но всякое пророчество, которое изрёк когда-либо Отец мой о сынах человеческих, должно исполниться во всякой вещи.

Житие Еноха и Илии написаны неправильно, – они живы и по сей день, сохранив те же тела, с которыми они родились...

Мальчик на несколько минут замолчал, поскольку по залу опять прокатилась бесперебойная штормовая волна ропота. Ворчание больше всех исходило со стороны, где собрались саддукеи. В их среде очень чувствительно относились к родовым признакам человека, тем более пророка Иерусалима. Но ни Енох, ни Илия к знатным родам не относились, хотя и были живыми взяты на небо в царствие Божие.

– А что касается отчима моего Иосифа, – снова продолжил Иисус, – то ему не дано будет, как пророкам остаться в теле; если бы человек прожил много тысяч лет на этой земле, всё-таки он должен когда-нибудь расстаться с бессмертием, то есть сменить жизнь на смерть, ибо человек только тогда получает жизнь и рождается в этот мир, когда соглашается заранее на принятие смерти, ибо она есть ступень завершения дел. А что с человеком случается в потустороннем мире, могу знать только я. Но что случается за потустороньем, за тем, что способен видеть глаз твой – ответить может только Отец мой.

И я говорю вам, о братья мои, что нужно было, чтобы Илия и Енох снова пришли в этот мир при конце времён и чтобы они утратили жизнь в день ужаса, тревоги, печали и великого смятения. Ибо никто в конце времён не будет иметь этой жизни, она не пригодится уже никому.

Ибо антихрист умертвит четыре тела и прольёт кровь, как воду, из-за позора, которому эти четверо его подвергнут, и бесчестия, которым поразят его при жизни, когда откроется нечестие его.¹¹

– Воистину! – вскричал Афродиций. – Воистину, этот мальчик – наби¹² Израиля! Кто скажет, что это не так?

Но желающих возразить военачальнику не было ни среди фарисеев, ни среди саддукеев. Очередной раз воодушевлённый такой сильной поддержкой, Иисус продолжил свою речь. На этот раз он обратился непосредственно к собравшимся здесь фарисеям:

– Чему учите вы в своём храме? Кому вы поёте божественные гимны и совершаете жертвоприношения, если не можете облегчить хотя бы часть, хотя бы малую толику страданий вашего народа? Вот вы, – показал он на группу фарисеев, стоящих в правом приделе храма, – все одеты в пурпурные богатые одежды, все в золотых украшениях, все с сытыми и довольными лицами. Вы никогда не познавали невзгод и лишений, не знаете ни болезней, ни страданий своего народа, как же вы можете судить и осуждать ближнего своего? Как же не хватает у вас смелости задать вопрос себе самому: а прав ли я?

¹¹ Откровения Даниила, Еноха и Ездры. Апокриф.

¹² Наби (др. евр.) – пророк.

Но дело не в этом. Вы точные блюстители законов, которые никак не отражают и никогда не отражали Божественного духа и любви Господа к людям. Вы всегда готовы публично покаяться перед народом, совершая благочестие во многих ритуалах и церемониях, но не в обычных бытовых спорах.

Можете даже пройти по улицам к храму с лицами, покрытыми пеплом и по дороге притворно выкрикивать молитвы. Нищим, попавшимся на пути, раздаёте милостыню. Но в действительности вы ищете только власти, которая никогда не будет Божественной, которая поклоняется только Золотому Тельцу. При помощи своей власти вы приметесь, скорее всего, отбирать у нищих деньги, подаренные вчера вами же. Ведь право, зачем нищему деньги, он и так проживёт, на то он и нищий? А деньги счёт любят и должны быть собраны вместе – шекель к шекелю.

Один из фарисеев, покрасневший, как его одежда, вскинул руку с указующим перстом в сторону выхода и завопил:

– Вон отсюда, мальчишка! Не дорос ещё, чтобы указывать мне, как совершаются моления! Мал ещё, чтобы в моём кошельке деньги считать! Подрасти, пока ума наберёшься!

Но его бешеный крик потонул в радостном всеобщем приветствии новоявленному риторику от толпы саддукеев, занимающих левый храмовый придел. Те вовсю радовались помощи, пришедшей неожиданно из уст мальчика, которого они сами же совсем недавно хотели изгнать из храма за неллицеприятные речи. Пощёчина фарисеям сделана как нельзя кстати. Поэтому со стороны саддукеев не слышалось ни одного недовольного отклика – тем просто нечего было возразить. Когда же всеобщие крики стали немного утихать, мальчик снова привлёк к себе внимание, но уже речью против другой половины собравшихся в синагоге людей.

– А что же вы, саддукеи, радуетесь? – продолжал Иисус. – Если каждый из вас потомок рода богачей, и вы с малых лет считаете, что по наследству от родителей должны иметь священнические обязанности и право, которое существует со времён царя Давида, то все вы жестоко ошибаетесь. Священничество по наследству не передаётся. Это духовная обязанность человека, умеющего пасти стадо своих овец.

Не ту же ли букву закона почитаете и вы, как ваши противники? Кто из вас не отвергал предсказания пророков и не кидал в него камень? Кто не поносил бессмертные души и посмертное воскресение, хотя без этого жизнь человека становится бессмысленной? Кто из вас не преступал веры, боясь преступить закон? Ведь только вера объединяет людей, а религия приносит вражду, злобу и ненависть.

Вы смеётесь пусть даже над пустым и показным верованием фарисеев, а всё служение Иегове для вас заключается только в храмовых церемониях, но никак не в искренней вере во Всевышнего. И ваша вера так же пуста и бездонна, как пропасть преисподни.

Неужели это игрище похоже на настоящую Божественную веру? Ваша вера – это собственное превосходство над всеми и то же самое стремление сохранить власть Золотого Тельца. Все вы забыли мысли Божьи, управляющие миром, а они неизменны и никакое ваше властолюбие не искалечит их. То есть, хранители законов забыли законы, либо искажают их как кому надобно. А законы даны Моисею не для искажений по собственному разумению. Каждый человек призван, чтобы понимать Божественные мысли, чтобы делать их живыми в этом мире. После того, как мысль получит жизнь и только тогда, человек сможет понять, для чего ему дарована эта жизнь.

Вспомните, что сказывал Исаия:

«Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нём, все любящие его! Возрадуйтесь с ним радостью, все сетовавшие о нём, ибо так говорит Господь: вот, Я направляю к нему мир как реку, и богатство народов, как разливающийся поток, для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленях ласкать. Как утешит кого-либо мать его, так утешу Я вас, и будете

утешены в Иерусалиме... Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собирать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою». ¹³

Вот видите, каждый из вас и все вместе можете родить драму, но никто не может переделать её. Поэтому человек должен понять, что всё невидимое вечно, а наша мысль спокойно может видеть это невидимое, потому что она сама невидима, но существует. А существо мысли никаким изобретённым для этого законом доказывать и подтверждать не надо.

Творец сотворил весь этот мир не руками, но Словом, ибо сказано в заповедях: Вначале было Слово! Нужно понять Господа нашего, как существующего ныне и вечно, как существующее слово, как существо мысли. Но никто не вправе переделывать Его творения, направлять всё по какому-то изобретённому разумению. А от кого заумные разумения приходят – известно. Каждый человек должен знать, кому он возносит молитву, кому служит. И только тогда станет ясно, какой силой он пользуется, что может, и что не может. Внимания заслуживает совсем не тот человек, что поддался искушению, а кто смог победить его, уцелеть и даже перешагнуть. Только никогда не следует изображать для себя реальный мир по собственному образу и подобию. Человек – только Сын Божий, но никак не сам Господь.

Под сводами храма повисла гнетущая тишина. Этим и воспользовались мужчины, пришедшие за отроком. Они помогли Иосифу буквально утащить мальчика из храма, пока ещё все там были ошарашены обличениями младенца и переваривали сказанное, каждый для себя.

Мужчины вывели Иисуса на крыльцо храма, и отец набросился на него тут же, решив отратить мальчика от раннего повзреления:

– Как ты позволяешь себе разговаривать с уважаемыми людьми? Что они тебе сделали? Этот мир у нас такой, каким сотворил его Господь, и не надо противиться Промыслу Божьему, ибо слова Первосвященника всегда были и останутся законом Единого Яхве! Обвинять же в ересь, не заслуживших никаких обвинений – это воистину человеческий грех! Все мы стараемся обвинить окружающих в нелицеприятных поступках, не замечая ничего за собой. Подумай, так ли ты чист, чтобы мог учить уму-разуму и обличать ближних, старше тебя по возрасту и по уму?

Мальчик при строгом внушении старшего, которого он обязан был слушаться беспрекословно, поднял на него глаза и чуть слышно произнёс:

– Людям всегда нравится выглядеть намного лучше, чем они есть на самом деле, поэтому любому из нас полезно возвращаться к исходным темам, то есть, как говорят мудрецы: *sor lemahela haschar*. ¹⁴ Только разобравшись в начале – откуда всё происходит, человек сможет познать себя и принести этому миру часть радости.

Потом Иисус, как будто продолжая давно начатый разговор, совсем уже не к месту рассказал, как провёл в Иерусалиме вчерашний день, пока не началась служба.

– Увидеть Иерусалим, храм Иеговы – это ли не мечта каждого! – мальчик не отводил взгляда, и его отцу даже стало немного не по себе. А тот, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Я видел этот город, видел амфитеатр Ирода, башню Антония и всюду вооружённых пиками стражников. Этому городу дано стать отправным местом молитвенников и Божьих проповедников. Именно отсюда Слово Божье начнёт растекаться по всему свету. Но вооружённые злобой люди выполняют здесь нечеловеческую службу. И грех убийства может принести нашему народу проклятие на все времена.

– Да как ты можешь так говорить о воинах! – воскликнул один из мужчин, пришедших вместе с Иосифом. – Любой воин выполняет только то, что должен! Такие обязанности были и есть у воинов во всех странах.

¹³ (Ис., LXVI, 10–13, 18).

¹⁴ *Sor lemahela haschar* (др. евр.) – возвратись певец к началу.

– Грех убийства не прощается ни на том, ни на этом свете, – заупрямился мальчик. – Я знаю, что это так, потому что каждому из этих солдат всё равно – кого убить, значит, много раньше была убита душа каждого из них. Ведь Господь создал человека не для убийства и завоевания, не для насилия и жадности, не для обжорства и похоти, а для того, чтобы принести хоть толику радости ближнему.

– Неужели всё так, как ты говоришь? – робко спросил ещё один из шестерых, помогающих плотнику Иосифу в поисках сына.

– Я не просто говорю, – принялся рассказывать Иисус. – Я прошёл днём по городу и видел квартал язычников, из которого когда-то прольётся возмущение, потому что Бог – един, и никто не в праве указывать каким путём человеку идти к Божественному чертогу. Может быть, эти язычники провозгласят свою веру самой верной, и правильно сделают. Потому как нельзя евреям считать себя единственными и величественными избранныками Божиими, ожидающими появления Машиаха, не верящими в способность постижения Божьего пути другими насельниками мира сего.

– Да что ты говоришь?! Ты в своём уме, мальчик? Какая муха тебя укусила? – слышались возмущённые восклицания спутников Иосифа.

– Не знаю, была ли это какая муха, – упрямо продолжал рассказывать мальчик. – Но я видел у жёлтого Силоамского источника множество искалеченных жизнью людей, в глазах которых не осталось ничего, кроме надежды. Только надежда помогает выжить человеку и надежда на Господа – вот всё, что у бедных калек осталось.

Только и надежда осталась уже не у всех. Толпы изувеченных, искалеченных, прокажённых, ищущих в Иерусалиме путь к исцелению, и просто стариков просили помощи, сострадания, протягивали худые искалеченные руки, заглядывали мутным неживым глазом мне в душу, но я ничем не мог помочь им. Сейчас не мог...

– Да кто тебе разрешит помогать несчастным, и где ты найдёшь для этого силы? – хмыкнул один из мужчин. – Лучше учился бы ремеслу своего отца и не создавал для нас проблем.

– Вот жилище моего Отца, – мальчик указал на храм, откуда они только что вышли. – И только там я мог найти общение с Ним.

Воспалённый возглас мальчика прервался голосом ещё одного взрослого, разговаривавшего до тех пор чуть в стороне с матерью отрока. Женщина не мешала мужчинам, поучающим Иисуса, как будто знала, чем должно всё закончиться. Недаром же она с младенчества воспитывалась в храме, значит, знала те Божьи истины, о которых не всегда могут догадаться мужчины.

– Да будет радостным день ваш, – поприветствовал собеседник Мицриам искателей потерявшегося Иисуса. – Я обратил внимание на мальчика ещё вчера, и ничего бы в храме с ним не случилось. Он стал мне даже более любопытен после того, как только что показал свои настоящие места фарисеям, и саддукеям. Такого не делал ещё никто. Устами младенца глаголет истина. А эти уважаемые люди давно заслуживают наказания за своё неверие и недоверие к другим. Я поговорил уже с Мицриам, она ничуть не против, чтобы мальчик воспитывался у нас, в нашей школе.

– А кто вы? – запоздало поинтересовался отец нашедшегося Иисуса. – Чему обучаете вы и имеете ли благословение от первосвященника?

– О себе я расскажу вам обязательно, но немного позже, потому что задерживаться возле храма сейчас не стоит, – мужчина указал на выходящих из дверей святилища оскорблённых фарисеев. – Поэтому прошу всех вас посетить наш ашрам ессеев.¹⁵ Это недалеко отсюда, на полпути к Гефсиманскому саду.

¹⁵ Ашрам (др. Иран.) – внутренняя школа-интернат.

– Вы не ответили, чему можно обучить в вашей школе? – вдруг поинтересовался Иисус. – Надеюсь, не станете спрашивать, что такое алеф?¹⁶

– О нет, Иисус, – улыбнулся мужчина. – Меня зовут Закхей. Я владею божественной магией и наукой изучения человеческого сознания. Но уже сейчас во многом мне самому нужно учиться у тебя, а не объявлять, что могу научить многому.

И всё же мистерию познания тебе предстоит изучить вместе со мной в ближайшее время. Это написано в книге откровений, об этом говорил Исая и тебе, Иисус, предстоит познать структуру человеческого сознания, ибо в этом, и есть смысл существования Вселенной.

– Для этого надо куда-то ехать? – не отставал мальчик. – И где можно встретить ангельское откровение?

– О, во многих странах есть двери в потусторонние миры. Допустим, священный город в глубинах Тибета, между Индией и Китаем, – ответил Закхей. – Там, в храме города находится дверь в потусторонний мир. Именно там тебе предстоит познакомиться с Рудрой Чакрином, царём Шамбалы. Это тоже было предвещено пророками. Ведь только там можно познать жизненную силу этого мира. Туда со времён зарождения человечества стремились попасть многие, но не каждому дано войти в поток Божьей силы и уцелеть потом.

– А вход туда только один и то не каждому? – поинтересовался Иисус. – Что ж это за страна такая, где нет ни выхода, ни входа?

– Нет, ты не прав, – рассмеялся Закхей. – Ещё один вход в Шамбалу есть в Аркаиме, столице гиперборейского царства Десяти городов. Но нам незачем путешествовать так далеко. Хотя, после познания тибетских истин, всякая протяжённость расстояний исчезнет.

– Когда же мы отправимся на Тибет? – глаза у мальчика загорелись в предчувствии настоящего приключения. – Я уже хочу отправиться в такое путешествие.

– Ишь ты какой, – снова улыбнулся учитель Закхей. – Сразу подавай ему всё и как можно больше. Никогда не надо спешить, ведь только тот никуда не опаздывает, кто не спешит.

– Зачем мальчику куда-то ехать? – вмешалась Мицриам. – Я хочу навещать его во время учения.

– А вот обо всём этом мы и поговорим в ашраме, – согласно кивнул Закхей. – Идёмте, путь наш недалог.

Мальчик шагал по городу с мужчинами уже как равноправный, но не эти мысли будоражили его сейчас. Он понял через видимые страдания других, что должен всё-таки расстаться с тем Божественным блаженством, которым хотел поделиться со всеми и сразу. Прежде, чем делиться блаженством, надо научиться что-то терять.

Ничего не исчезнет бесследно, но необходимо понять дарованную Богом возможность общения с себе подобными. Тем более что рядом незримо следовала новая спутница, имя которой Человеческое Страдание. А, следуя рядом, эта женщина не уставала твердить мальчику, что не покинет его больше никогда и никуда не скроется.

В сознание Хозарсифа сегодняшний сон пронёсся, как повторное видение, которое не хотело оставаться не записанным. Но юноша знал: как только первосвященник разрешит, всё будет записано и сохранено. Может быть, именно это для Хозарсифа сейчас важнее всего. Ведь недаром тайные знания хранятся записанными в манускриптах.

Впереди у него лежал такой же путь обучения жреческим тайнам и Божественным откровениям. Может, именно поэтому сон снова привиделся мальчику, готовому вступить на путь учения, пока ещё не поздно отступить. Но стоит ли отступать, когда решение уже принято? И стоит ли изменять решения – ведь не бывает ничего неизменного?

¹⁶ Алеф – первая буква еврейского алфавита.

Привидевшийся отрок был явным Екклесиастом.¹⁷ Не предстояло ли Хозарсифу пройти тот же путь, предназначенный мальчику? Если это действительно так, то сам Хозарсиф от рождения был Избранным. Об этом ему часто говорила мать, предполагая увидеть сына властителем Египта. Об этом не раз говорил шумерский жрец Отой, духовник матери и первый учитель Хозарсифа. Ведь все знания, которыми сейчас мог блеснуть будущий неофит, были получены через проповеди жреца, принявшего в воспитании мальчика деятельное участие.

Более того, юному племяннику Рамсеса II самому было интересно общаться с Отоем, и каждый раз, когда жрец приезжал в Мемфис, Хозарсиф искренне радовался, ибо знал, что получит от жреца столько духовной пищи, сколько сможет вместить.

¹⁷ Екклесиаст (др. евр.) – пророк, проповедник.

Глава 3

Исповедь – перед Богом. Но каким? Или самооправдание и самолюбование?

В наши времена, когда истина скрыта столькими покровами, а обман так прочно укоренился, распознать истину может лишь тот, кто горячо её любит.

Б. Паскаль

Иерофант,¹⁸ встретивший Хозарсифа, шагал молча. Юноша пристроился чуть сзади, стараясь не отставать. Пройдя меж колонн в гипостиле, они вошли в зал «Божественного откровения». На пороге Хозарсиф на секунду замешкался, поскольку простым смертным сюда входить не разрешалось. Стоило ли ему переступить установленную черту запрета?

Однако иерофант шёл, не оглядываясь, поэтому юноша снова догнал жреца, стараясь уже не разглядывать невиданные доселе внутренние стены монастыря и вообще не глазеть по сторонам, хотя зал отличался от гипостиля не только красочными изображениями богов. Так же здесь возле мозаичных стен примостились гипсовые статуи множества богов, очень смахивающие на живых существ, но, скорее всего чем-то напоминающие земных мутантов, чем небожителей.

Впереди виднелась часовня Осириса, куда вход был запрещён даже жрецам, но справа от часовни была дверь в подземные пещеры, перед которой стояла статуя Исида.левой рукой она прижимала к груди младенца, а правой держала крест в виде символа Анх.¹⁹ Собственно, здесь были заключены два символа: крест как символ жизни и круг как символ вечности, а вместе они обозначали бессмертие. Этот крест являлся также символом объединения женского и мужского божеств, Осириса и Исида, то есть, союз земного и небесного. С детства, учась письму, Хозарсиф запомнил, что этот знак всегда означал «жизнь» и всегда являлся частью слов «благополучие» и «счастье». Именно с помощью этого ключа можно было открыть ворота смерти.

Неужели сама Исида принесёт юноше с этим знаком продление существования на земле и обретение жизни в зазеркальном потустороннем мире? Статую богини Хозарсиф тоже никогда раньше не видел, даже не слышал, что она есть в храме. Причём, изображение богини было настолько живым и образным, что мальчик даже открыл рот от удивления.

Мембра несколько минут стоял перед статуей, читая молитву, потом обернулся к юноше:

– Мы поговорим с тобой потом, о Хозарсиф. Ты племянник фараона и я должен почтительно относиться к тебе. Только здесь ты уже никто, в святилище ты становишься обыкновенным неофитом,²⁰ то есть, человеком, ищущим путь познания истины. Сейчас важно решить, нужно ли тебе посвящение священным тайнам богов или достаточно одного приблизительного знакомства, как хотела твоя мать?

– Наоборот, о великий Мембра, – тут же возразил мальчик. – Моя мама желает моего посвящения великим тайнам, а воля родителей – священна. Если я достоин, то с открытой душой отдаю себя в твои руки и готов выполнять все требования, какие от меня будут необходимы.

Слушая искреннюю речь Хозарсифа, жрец чуть наклонил голову, однако лицо его осталось бесстрастным, как цветное изображение на камне.

¹⁸ Иерофант – жрец, иногда даже первосвященник, встречающий новенького.

¹⁹ Наиболее значимый символ у древних египтян.

²⁰ Неофит – вступивший на путь посвящения.

– Ты видишь позади статуи богини бронзовая дверь между двумя колоннами? – спросил жрец. – Одна из колонн красная, потому что представляет восхождение к Осирису. Другая чёрная, означающая пленение бога в материи и может принести полное уничтожение на том и на этом свете. От такой смерти не спасётся никто, а тем более грозит каждому посвящённому необратимым вычёркиванием из существующего, поэтому у тебя есть ещё возможность вернуться. Отступление не будет осуждением. Просто перед входом неопита боги тоже решают: допустить ли просящего, или же тот стремится занять не своё место?

Некоторых отвергает даже сам Осирис, потому что слабого духом ожидает непереносимая смерть, а в лучшем случае – безумие. Если ты уже познал порок и гнев, грязь и падение, то не стоит рисковать собственной жизнью, ибо исправить ничего нельзя будет. Мыслимое всегда отвергает безумие. Многие легкомысленные пытались войти сюда и просто расстались с жизнью. Лишь только добрые, уверенные и отважные могут отыскать здесь путь к бессмертию. За этой дверью бездна, которую трудно себе представить, которая возвращает назад, в наш мир, только сильных духом и волей.

Подумай, куда ты направляешься, и может ли это послужить тебе в мирской жизни. Добровольно подчиняясь опасностям, ты можешь погубить жизнь, бесславно погибнуть. Во имя чего? Кому это нужно? И нужно ли тебе? Вопросов много, но ни на один из них пока ещё нет правильного ответа.

Ты пока ещё молод, о Хозарсиф. Если твоими чувствами и разумом владеет юношеское упрямство, или слепое подчинение воле матери, то не стоит под ноги человеческим страстям бросать самое ценное, что ты имеешь – жизнь. Любой человек в нашем мире живёт, всегда обдумывая дорогу к возможному отступлению, возвращению на круги своя. У тебя есть ещё время подумать, но если дверь за тобой закроется, отступление невозможно. Стоит ли принимать неисправимое?

Сказав это, жрец подошёл к одной из статуй, стоящих чуть в стороне, и растворился в ней, будто гипсовая статуя бога Тота служила дверью. Хозарсиф не мог поверить своим глазам, потому что исчезновение жреца не умещалось в сознании. В храме было не очень светло, но исчезнувшая на глазах человеческая фигура заставляла кое о чём задуматься. Мальчик не удержался и подошёл к статуе бога, где исчез жрец, но ни дверей в стенах, ни каких-то других неприметных входов обнаружено не было. Ведь не растворился же Мембра в воздухе?! Не вошёл же он в тело статуи бога Тота? Хотя он недаром был Верховным жрецом, а таким боги даруют иную силу.

Юноша вернулся на место, постоял некоторое время неподвижно перед Исидой, пытаясь взять себя в руки. Множество мыслей роилось в его голове в эти минуты, но ничего даже хоть немного похожего на желание отступить не просочилось. Наоборот, душу терзали мысли о том, что его ожидает за дверью? И, если что-то окажется не так, то вступивший на путь посвящения готов был пожертвовать собой ради богини, ради знаний тайны божественной истины. Ведь Исида являлась покровительницей матери, дала ей настоящую веру. А, может, вера была пожалована именно для сына сестры Рамсеса Великого, то есть для самого Хозарсифа? Ведь недаром же и мать, и жрец Отой с детства твердили мальчику об избранности, о том, что он вовсе не такой как все. Но стоит ли отказываться от уже полученного?

Что, значит, принести душу свою в жертву? Принести ради познания ступени к Свету, к Истине? Ради постижения таинств самой богини? От такого выбора никогда никто не откажется, тем более, что каждому выбор приходится сделать только один раз. Но ошибку никогда нельзя будет исправить! Здесь никогда и ничего не исправляется! И тут вдруг, ни с того, ни с сего, в голове, как посланец богов, пронеслась мысль:

«Когда душа опустошается, религия становится идолопоклоннической. Когда мысль склоняется к материальному, духовный рост прекращается».

Подгоняемый этим божественным откровением, как плетью, Хозарсиф поклонился богине, обошёл её с левой стороны и подступил к спрятанной за спиной статуи бронзовой двери. Тут же из-за чёрной и красной колонн появились неокары,²¹ будто поджидавшие неофита, и тоже появившиеся ниоткуда.

Один вручил ему маленькую зажжённую лампу, второй – полотняный сударит.²² Затем оба открыли перед неофитом бронзовые створки, с нанесёнными на них красной краской иероглифами, и застыли, словно копируя стоящие позади в зале каменные статуи.

Хозарсиф без колебания вступил в открывшийся перед ним коридор, только чуть-чуть непроизвольно содрогнулся, когда сзади захлопнулась пропустившая его дверь. Холодок, пробежавший по спине, являлся прощанием с прошлым, как будто сзади рухнул мостик, по которому только что можно было вернуться в благополучное прошлое. Путь назад уже сгорает, превращается в пепел! Именно в этот момент жуткое желание возвратиться назад захлестнуло, как петля, начало даже душить, как что-то совсем недостижимое. Поэтому продолжить выбранный путь Хозарсифу удалось не сразу.

Все сомнения, даже если они существовали, остались там, за дверью, в далёком прошлом. Как человек не может вернуть прожитые годы, чтобы что-то исправить, начать жизнь сначала, или как-то по-другому поступить, так не может вернуть то самое промелькнувшее мгновенье, когда отступление ещё было так возможно, так близко! Мальчик чувствовал, что превращается сейчас в сфинкса, потерявшего в полёте над Каиром крылья, хотя до недавнего времени всё казалось разрешимым. Он ощущал себя безраздельным владельцем этого мгновения, вечным хозяином прошлого и будущего, но всё невозвратно исчезло, испарилось. И юноша почувствовал, что он сейчас не владеет никакой властью даже над собой. Ощущение выглядело жутким, но расслабляться не стоило.

Вдруг под стенами прорубленного в скале коридора раздался то ли чей-то шёпот, то ли пещерный сквозняк пропел свою песню, казавшуюся гимном славы неофиту, напоминавшим одновременно печаль похоронного прощания, которое познаёт каждый человек только один раз в жизни. Слова неожиданно начинали звучать громче, накатываясь невидимыми волнами, ударяясь в стены, раскатываясь полновесным эхом подземелья, становясь всеблагим воплем, то вдруг опять звучали, как слабый предыдущий отзвук давно ушедшего в небытие прошлого:

«Здесь погибают безумные, которые жадно восхотели знания и власти».²³

Эхо, продолжая неустанно отскакивать от стен, поражало неофита своей силой и невозможностью звучания в узком проходе, прорубленном в девственной базальтовой скале. Откуда же эхо доносится? Ведь сквозь скалу не может проникнуть ни свет, ни звук, разве что только свободная мысль? Но всё же необходимо было идти.

Слабый огонёк плошки в руке Хозарсифа не мог ничего высветить или выхватить из лап пещерной темноты. Единственное, что мальчик понял – коридор с каждым шагом сужался со всех сторон. Вскоре даже пришлось просто согнуться. В этой свалившейся на голову чёрной непроходимости был только один путь, потому что назад развернуться уже стало невозможно. Даже здешний пещерный воздух намного уменьшился, и с каждым шагом дышать становилось всё трудней.

Коридор настолько сузился, что приходилось продвигаться уже на четвереньках, а чуть дальше вообще только ползком. Протискиваясь в каменное горло, Хозарсиф ясно понимал, что назад не вылезти даже физически. А, если попытаться, то скальный потолок, который казался в этой непроходимости чуть ли не пластиной горного пресса, может без проблем сдвинуть, расплющить испугавшегося.

²¹ Неокар – сопровождающий в посвящении жрец.

²² Сударит – полотняная накидка на голову. Чаще для умерших.

²³ Заимствованно из подлинных источников.

Наконец, когда гибель отчаявшемуся неопфиту представлялась уже совсем неизбежной, впереди почувствовалось расширение коридора, а вместе с этим возвращение живительного воздуха и запаха подземного холода. По пути протискивания ползком по пещерной щели, юноша напрягался всеми частями ещё живого тела. Его старания всё же увенчались успехом. Оставляя на скальной породе куски туники и даже кожи, Хозарсиф оказался всё же в наиболее широком гроте. Наконец-то, заключение в скалах кончилось.

Но даже чувство это пришло не сразу: ещё долгое время чудилось, что потолок опускается и вот-вот всё тело превратится в кровавую пузырящуюся лепёшку, годную, разве что, для завтрака старым беззубым крокодилам. Осмотревшись в гроте, действительно оказавшимся немного просторнее змеиного лаза, которым только что пришлось проползти юноше, он обнаружил совсем недалеко в полу, который имел крутой наклон в эту сторону, колодец, вертикально уходящий вниз, будто по этому колодцу можно спуститься в потустороннее царство мёртвых.

Поскольку иного выхода отсюда не было, Хозарсиф осторожно прополз по полу грота, напоминающему воронку, чтобы заглянуть в колодец, ведь должен же быть отсюда какой-то выход! Но ползти приходилось осторожно, поскольку с гладко отполированного каменного пола соскользнуть в колодезное отверстие не составляло труда. Подобравшись к краю колодца, юноша обнаружил прикреплённую к его крутому круглому обрыву металлическую лестницу, уходящую отвесно вниз. Похожий на огромную каменную воронку колодец приглашал спуститься в неизвестность, услужливо предлагая путешественнику крепкую железную лестницу.

Юноша успел всё оглядеть и даже попробовать крепость лестницы. Крохотный огонёк светильника пока ещё не погас под пещерным сквозняком и помогал юноше разглядеть предлагаемый путь. Но сколько придётся спускаться, оставалось неизвестным. Во всяком случае, Хозарсиф решил сохранить навсегда маленький светильник, как талисман, если останется жив. Лампа, казалось, услышала его, потому что, чем глубже опускался неопфит по вбитой в скулу лестнице, тем ровнее становилось пламя, хотя колодец был воистину бездонным и сквозняк в нём не прекращался.

Вдруг спасительная лестница внезапно кончилась. Дальше идти было некуда, хотя... хотя оставалось только одно: выпустить из рук последнюю ступеньку и во время полёта читать молитву Осирису или Исиде, пока не приземлился. А есть ли здесь дно?

Но этот вопрос сразу исчез, как только Хозарсиф заметил совсем недалеко выдолбленную в скале площадку, на которую, раскачавшись, можно было запрыгнуть. Только прыжок вполне мог оказаться последним, поскольку ни особой силой, ни ростом юноша не обладал. Но с самого раннего детства он владел действительной волей и упрямством взрослого человека, с помощью которых можно было достичь невозможного, если только это невозможное могла преодолеть хоть для какой-нибудь земная тварь.

Раскачиваться Хозарсиф не решился: меньше шансов на удачу, да и силы будет потрачено много больше. Упёршись ногами в стену и очередной раз проверив надёжную прикованность лестницы к скале, юноша сделал несколько глубоких предварительных вдохов и выдохов. Так собирать волю в кулак приучил его жрец Отой. Он всегда, приехав в Египет, уделял много больше времени воспитанию мальчика, чем тот заслуживал это. Прямо как отец, воспитывающий сына. Отец?..

Шальная мысль об отце однажды уже посетила Хозарсифа, потому что мать скрывала тайну его рождения. Может быть, это делалось по особым женским соображениям, может быть, боялась признаться даже сыну, ведь шумерский жрец не имел права создавать семью, тем более с египтянкой, хотя та и была принцессой, дочерью фараона. А, узнав от кого родился племянник, ныне царствующий фараон Рамсес II не помиловал бы сестру.

Но эти мысли не вовремя попытались замутить сознание, и Хозарсиф встряхнул головой, как собака встряхивается, выбравшись из воды. После этого, сжавшись, подобно пружине, он

оттолкнулся от последней ступеньки лестницы, куда удобно установил ногу, и взлетел над пропастью, словно властный грифон, зорко осматривающий свои владенья. Полёт оказался кратким, хотя и захватывающим. Мальчик приземлился вполне благополучно на гостеприимную площадку, хотя немножечко пришлось прокатиться кубарем по тёсанному каменному полу.

Сознание удачного прыжка пересилило всё остальное. Оглянувшись на мерцающую лампу, которая будто сроднилась с оставленной навсегда лестницей, в душу прокралось глупое сожаление о том, что никакая из живых женщин не наблюдала этого прыжка. А понаблюдать стоило! Хозарсиф безразлично относился к женщинам. Но когда те бурно восхищались подвигами мужчин, этого не мог не заметить даже самый не откровенный или никчёмный для женского сословия мужчина. Юноша стеснялся близости женщин, в то же время искренне радуясь женскому восхищению.

Ощупав площадку, неофит обнаружил в глубине колодезного грота лаз и уходящие вверх по нему ступени, вырубленные прямо в скале, значит, прыжок был верным. Но подниматься – не спускаться. Можно обойтись пока и без света, тем более что глаза стали привыкать к темноте. Ступенчатый коридорчик, уходящий ввысь оказался не очень широк и не очень узок. В самый раз. Так было даже лучше, потому что ни с боков, ни сверху скала уже не сдавливала до удушья, и отсутствовало чёрное бездумное необъятное пространство, которое может раздавить не хуже скалы.

Поднимаясь по ступеням навстречу веющему сверху покрывалу воздуха, разносящему вокруг ароматы острых смоляных курений, ладана и даже запах свежезажаренной птицы, у юноши появилась уверенность, что путь верен, что запахи живых ароматов попадают в подземелье из храма. Вероятнее всего, из трапезной залы. Только туда надо было ещё добраться. Никогда не мешает быть настороже, так как мистерия посвящения в послушники не может окончиться только одним бездонным колодезем. Вероятно, на выбранном пути неофита постоянно будут ожидать пещерные тёмные пропасти, откуда нет возврата, и всегда надо опасаться какой-нибудь каверзы. Ведь духи зла устраивают жрецам на жизненном пути свои мистерии посвящения. Пройти их приходится каждому, ибо человек выбирает свой путь и должен быть готов к самым удивительным мистическим происшествиям.

Лестница, упрямой спиралью поднималась вверх и вывела, наконец, в помещение, которое нельзя было назвать обширным. Это был очередной пещерный грот, навреде прихожей. Маленькую пещеру отгораживала от обширного зала сплошная бронзовая решётка, не имеющая отдельной двери. Наверное, вся решётка поднималась вверх, освобождая проход в нужное время.

Хозарсиф подошёл к ней, взялся за толстые прутья, попробовал приподнять, но его усилия оказались тщетными. За массивной решёткой проглядывался обширный зал, потолок которого терялся где-то высоте. На стенах огромного зала в разных местах висело множество религиозных символов и символических знаков, между которыми к стенам были прикреплены бронзовые чаши, наполненные постоянно горевшим воловьим жиром.

Хозарсиф, оказавшись запертым на площадке, стал со своего места оглядывать храмовую залу, ибо она также находилась в святилище Амона-Ра и была вырублена в базальтовой скале. Присмотреться и оценить по силе возможности окружающее пространство тоже не мешало, поскольку в этой пещере неофита, скорее всего, ожидало новое испытание.

Зал за массивной бронзовой решёткой выглядел настоящим трапезным. Столы пиршественного зала соблазняли уставленными на них блюдами с печёной в яблоках рыбой, воловьими окороками, обложенными инжиром и артишоками, жареными перепёлками, гусиным паштетом и ещё какими-то блюдами со снедью, которой Хозарсифу раньше вкушать не приходилось. Во дворце матери он с детства распробовал множество яств, но никогда бы не подумал, что жрецы храма питаются лучше, чем сестра фараона.

Кроме этого на столах было полно всяческих фруктов, что Хозарсиф предпочитал более всего. Ему никогда не нравилось возлежать на ковре возле трапезного стола и всё свободное время убивать на поглощение пищи. Здешнее разнообразие приглашало именно к этому и запахи, которые встретили юношу далеко под землёй, доносились отсюда. Причём, каждый из столов ютился в благолепном гроте растений и цветов.

Одного только не хватало – в пиршественном зале не было ни одного человека. Неужели всё это приготовлено для угощения богов? Неужели в храме Амона-Ра совершаются такие жертвоприношения? Но никакие боги не станут попусту тратить время на поглощение пищи, на то они и боги. Нет, здесь было что-то другое. Просто выяснить сейчас было не у кого. Пришлось покориться ожиданию. Ведь обязательно должен кто-то прийти.

Юноша бегло осмотрел зал, потом внимательно принялся разглядывать прикованные к стенам украшения. Его внимание привлекло, что на обеих стенах длинного зала, отлитые из бронзы, красовались кариатиды,²⁴ а вокруг них виднелось два ряда совершенно хаотичных символических фресок по одиннадцать на каждой стене. Вероятно, неوفиту предстояло сделать выбор настенной символики, потому как каждый из посвящённых должен иметь свой тотем!

В самом центре солидной бронзовой решётки, отделяющей зал от пещерного грота и единственным её олицетворением был барельеф, отлитый из такой же бронзы с изображением обнажённой фигуры фараона.

Владыкой Египта изображение можно было посчитать только из-за того, что на голове его красовался клафф²⁵ с уреем,²⁶ свившимся в центре короны клубком. Эту корону не мог одеть на голову никто из живущих, впрочем, из не живущих тоже. Клафф мог одеть только фараон, потомок богов, правящий Верхним и Нижним Египтом, о чём свидетельствовала сама головная уборка фараона, имеющий красную и белую окраску – символ власти.

– Ты обратил внимание, прежде всего на то, на что должен был. Иначе, зачем ты здесь, – неожиданно раздался чей-то голос..

Сзади юноша оказался жрец, возникший неизвестно откуда, потому что входов, кроме подземного, в грот не было.

– Я пастофор – хранитель священных символов Птаха,²⁷ И тебя, неофит, необходимо сразу познакомить с некоторыми из символов, которые ты только что рассматривал. Прежде всего, поздравляю тебя, как прошедшего первое испытание. Только тебе пока со мной оставаться надолго не придётся, годы науки у нас ещё впереди.

А сейчас ты узнаешь кое-что начальное из значения символов. Выберешь для себя один из них, который будет охранять тебя всю жизнь. Символ есть у каждого неوفита, а после мистерии посвящения в жрецы некоторые получают даже два символа и больше, потому что каждому жрецу символ даётся с определением способностей.

Пастофор открыл решетчатые двери, и они вступили в коридор. Под каждым изображением, обычно отлитым из металла, виднелась буква и число. Двадцать два символа изображали начало оккультных тайн и науки, отмечающей абсолютные принципы человеческого существования.

Знаки можно было с полной уверенностью посчитать ключами мудрости и силы, только необходимо было уметь открыть этими ключами любую даже самую заваливающую дверцу. Хозарсиф уже знал, что любой живущий должен открыть хотя бы одну дверь. И сейчас необходимо было выбрать ключ от этой двери – в этом и заключался выбор жизненного символа.

²⁴ Кариатида (др. греч.) – изображение человека вместо столпа. В Египте такие столпы зодчие возводили возле стен.

²⁵ Клафф – головная уборка фараона, двухцветная корона.

²⁶ Урей – изображение кобры, символ власти. В Египте изображались только на короне, либо на диадеме.

²⁷ Птах – один из верховных богов Египта.

– Каждая буква и каждый символ здесь изображают троичный закон, – голос жреца эхом отдавался в полутёмных пространствах трапезной. – Троичный закон всегда имеет отражение в человеческом мире. Известен тебе такой закон?

– Я знаю, что миром управляет Судьба, Единство и Порядок, – ответил Хозарсиф. – Только при этом должен быть смысл – знать Бога, рассудок – искать Его, ум – иметь счастье постигнуть Бога.

Ответ мальчика прозвучал, как вызубренное когда-то правило Вечности, и пастофор удивлённо посмотрев на юношу, всё же удовлетворённо кивнул. Первые успехи обрадовали неопита, и щёки его покрыл едва заметный, но счастливый румянец.

– Я доволен, – кивнул жрец. – Ты ещё в младенческом возрасте имеешь представление о том, что отражается в мире разума. Но заметь, то же самое отражается и в мире физическом. Таким образом, каждая цифра, отражённая под любым рисунком, объясняет абсолютную сущность, из которой происходит всё видимое. Она так же является источником и синтезом разума. И третье: каждая цифра и каждый символ являет собой суть каждого человека, могущего подниматься в сферы Бесконечного. Там можно постигнуть силу Божественного разума и понять смысл существования.

Эта мысль была близка Хозарсифу, но окончательное понимание он отложил на потом не столько от лени, сколько из-за пережитого напряжения во время первого испытания. Первые похвалы Мембры и успокоительная атмосфера трапезной немного заворожили мальчика, хотя ему слишком рано было расслабляться.

– Объясни мне, – промолвил пастофор, – как ты мыслишь изображение обнажённого фараона? Ведь изображать таким избранника богов – это просто кощунственно. Разве не так?

Бронзовая чеканка на входной решётке одной из первых обратила на себя внимание и давно уже дала ход вольготным мыслям, среди которых молодому ученику удалось выбрать наиболее правильное, не хулящее владыку, как ему казалось, решение.

– Для меня также существует троичность мира, – принялся подробно объяснять Хозарсиф. – Первое: несмотря на то, что фараон без одежды, ему нечего скрывать, а именно человеческая чистота, а тем более чистота владыки, не может послужить ничему плохому. Второе: скипетр в руке означает власть, которая поддерживает настоящую человеческую чистоту. Без этого наше государство давно рассыпалось бы. И третье: золотой клафф отражает свет Вселенной, но в то же время доносит свой свет во Вселенную, чтобы не потерять выделенного в ней места. А изображенный на короне урей стережёт от покушения человеческий разум.

Жрец очередной раз поглядел на юношу с удовольствием. Но тот, кого подвергли испытаниям, считал себя пока ещё далёким от знаний, которых так не хватало ему сейчас, в первой беседе с Мемброй. Правда, достойные ответы мальчика порадовали жреца и для себя, видимо, он решил, что из Хозарсифа может получиться настоящий служитель Осириса, умеющий давать верные советы фараону в управлении государством.

Из-за каждого отдельного изображения бронзовых символов, висевших на стенах, начали разбегаться разноцветные лучи идей и образов, как бы сообщая внутреннюю суть и состояние окружающего мира. Именно так мальчик представлял существующий мир реальности и потусторонний мир всеильного разума и духа.

Общую картину этого учитель постарался объяснить ученику прямо здесь, тем более что ответы ему понравились.

Уроки во все дальнейшие годы должны были продолжаться так же, как и сейчас: от буквы к букве, от числа к числу, обнажая таинственные связи всех вещей и живых существ от пронзённой молнией башни к пылающей звезде, которая воистину была сверкающим клаффом.

– Запомни, – назидательно произнёс пастофор, – корона фараона – есть венец того круга, с которым всякая воля, стремящаяся соединиться с божественной волей ради понятия правды и справедливости, вступает во взаимодействие ещё при этой жизни. Таков круг власти над

всем сущим и над всеми вещами, это вечная награда богов для каждого освобождённого от страстей послушнического духа.

Разговор между ними был явно чуть-чуть приподнятой завесой тех таинственных знаний, на пороге которых Хозарсиф всё-таки оказался и мог считать себя не отринутым, но которые надо было ещё заслужить. Сможет ли мальчик справиться со всеми ожидающими его рогатками? Ведь только избранные могли пройти до конца мистерии жреческого посвящения. Ясно, что это зависело не только от Хозарсифа.

А как достичь желаемого? – тоже оставалось тайной. Ещё много, много лет назад, когда только впервые в жизни, будучи ещё совсем ребёнком, начав получать первичные знания, он не раз задумывался над пользой искусственного сокрытия божественных истин, но очень скоро понял, что иначе нельзя, потому как если знания сделать общедоступными, то землю непременно опутает хаос и поклонение демонам.

Вскоре неофит убедился в своей правоте, ибо его ожидали неоконченные испытания. Но ведь он согласился на это! Значит, мистерия посвящения будет продолжаться до окончания школы. Может быть, сам мальчик предполагал это, но стремление постичь истину не должно угасать ни на секунду, иначе не для чего было соглашаться на увлекательную, но крайне опасную учёбу.

После первого знакомства пастофор провёл юношу по трапезному залу. Хозарсиф шёл за ним, не обращая внимания на уставленные яствами столы среди живописных растений. Подойдя к такой же бронзовой двери меж двух разноцветных колонн, копией той, перед которой стояла статуя Исиды, жрец распахнул её, и отступил в сторону, пропуская в открывшийся коридор своего спутника.

– Поздравляю с победой в очередном искушении, – снова поздравил жрец мальчика и даже чуть склонил голову.

Хозарсиф вопросительно взглянул на пастофора, но спрашивать ничего не стал. Тот очередной раз удовлетворённо кивнул, и сам ответил на не сорвавшийся с губ юноши вопрос:

– Когда мы проходили по залу, ты даже не обратил внимания на столы, уставленные разнообразной пищей, хотя на это мало какой человек не обратит внимания. Ты же оказался равнодушен к пище, значит, страсть обжорства тебе уже не помешает. А дальше, сын мой, тебя ждёт пламя онгона,²⁸ горящее в конце этого коридора. Чтобы не обжечь лицо, накинь на голову вручённый тебе неокорами сударит.

Вскоре, как и в первом коридоре, сзади лязгнула запираемая дверь. Коридор был довольно узким, но всё же свободным для прохода. Тем более что впереди виднелся крутой поворот, за которым где-то полыхало пламя. Жар его чувствовался уже здесь, и очередная ступень испытаний могла оказаться действительно губительной. Губительной даже не от исключительного пламени, а от обыкновенной чёрной краски, которая в большинстве случаев бывает настоящим продуктом огня. Среди людей, выживших, но испытавших живое воздействие пламени онгона, всегда остаётся нечто едкое, жгучее. После исчезновения пламени, его реальной гибели, онгон остаётся даже в извести, золе, угле, не говоря уже о дыме, где продолжают существовать свирепой жизнью маленькие частицы, как продолжение пламени.

Хозарсиф перед поворотом набросил на голову плат и, чуть наклонясь вперёд, шагнул навстречу бушевавшему в подземелье огню. Всё же пламя оказалось не слишком уж сумасшедшим, хотя несколько ожогов на обнажённое тело неофит нечаянно заработал.

Идти ему пришлось под горящими деревянными арками. И хотя те были, скорее всего, сплетением тонких прутьев, но жар от огня исходил довольно внушительный. Проскочив кое-как под семью арками, юноша опять оказался на площадке, в конце которой виднелась каменная лестница, опускающаяся в чёрную спокойную воду.

²⁸ Пламя онгона – адский огонь.

Неофит сдёрнул с головы сударит и на мгновение остановился. В это время семь пламенных арок загорелись ещё сильнее под налетевшим сзади сквозняком, поэтому огненные языки потянулись вслед убежавшему юноше, желая, хоть и с опозданием, скушать смельчака. Тому ничего не оставалось, как опуститься в глубинное чрево поджидавшей его холодной воды. Вода подземного озера казалась маслянисто-чёрной в пещерной темноте, лишь усердно отражала бушующее в коридоре пламя.

Огонь, преследуя беглеца, долетел почти до самой воды, но вдруг распластался на границе водоёма, будто расплющился о возникшую на пути стеклянную стену. Жгучие языки яростно взметнулись к потолку, облизывая покрытые каплями стены.

Уже не обращая внимания на пляшущий сзади пламень, Хозарсиф спускался по каменной лестнице в ледяную спокойную воду, способную поделить своим неспешным вековым житием и пещерным тёмным спокойствием, с готовым принять его неофитом. Эта другая беда почти сразу же помогла забыть охваченный огнём коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.